

63,4(2)λερσ

Γ85



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХЕРСОНЕССКИЙ
МУЗЕЙ.

СТО ЛЕТ
ХЕРСОНЕССКИХ РАСКОПОК.
1827 — 1927.



· СЕВАСТОПОЛЬ ·
· 1927 ·

1085

3553

902.6
Г85.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХЕРСОНЕССКИЙ МУЗЕЙ

MUSÉE D'ÉTAT DE CHERSONÈSE TAURIQUE (CRIMÉE)

C. GRINÉVITCH — LE CENTENAIRE DES FOUILLES DE CHERSONÈSE

ق. گرینهویچ — خەرسونەس آسارغاتیقە قازوونک (۱۸۲۷—۱۹۲۷) بوز بیل لینی

СТО ЛЕТ ХЕРСОНЕССКИХ РАСКОПОК (1827 — 1927)

(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК С ЭКСКУРСИОННЫМ ПЛАНОМ)

СОСТАВИЛ

К. Э. ГРИНЕВИЧ

МУЗЕЙ ХЕРСОНЕССА
MUSEE CHERSONESSTANA

1085

СЕВАСТОПОЛЬ

ИЗДАНИЕ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

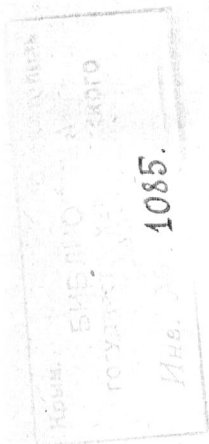
1 9 2 7

Севастополь,
2-я Гостипография
„Крымполграфтреста“.
Уполномоченный Крымлита № 796.
Тираж 1000 экз.
Зак. № 1693.

**ПОСВЯЩАЕТСЯ СВЕТОЙ ПАМЯТИ
К. К. КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧА
и М. И. СКУБЕТОВА**

„Я так предан делу расследования Херсонеса и, как фанатик, так далеко зашел, что возврата нет! Для меня расстаться с Херсонесом — все равно, что расстаться с жизнью“.

(Из письма К. Косцюшко по поводу травли его монахами).



ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Летом 1927 года исполняется сто лет со дня первых больших раскопок Херсонеса Таврического. Остатки этого древнего культурного центра, находящиеся в 3 километрах к западу от Севастополя, привлекали и продолжают привлекать внимание специалистов-археологов не только нашего Союза, но и заграницы. Но, однако, не только одни археологи посещают Херсонес: еще в большей мере его посещают организованные экскурсии и одиночные любознательные люди. Если раньше общая цифра посетителей еле достигала в год 2—3.000 человек, то в прошлом отчетном году эта цифра поднялась до 20.000 человек и она все время растет... Это красноречиво говорит за то, что перед нами центр большой внешкольной работы, имеющей, несомненно, всесоюзное значение. Развалины Херсонеса являются, кроме того, школой для производственной практики студентов наших университетов: вот уже третий год студенты Москвы, Ленинграда, Харькова и Симферополя связывают свою учебу с Херсонесом, при чем число студентов также с каждым годом увеличивается (8,12,25 человек). История раскопок за сто лет многому должна нас научить: и как постепенно росла мысль о необходимости охраны развалин и создания особого музея и как вредно было для дела слишком безразличное отношение к росту монастыря и военных сооружений.¹⁾ Все это должно нас, повторяем, многому научить: во-первых, хотя бы сейчас, когда значение Херсонеса, как никогда раньше, приобрело общенациональный характер, мы должны просить центральную власть сделать Херсонесское городище заповедником в общенациональном, даже международном масштабе, далее, просить военное ведомство перенести ненужные сооружения в другие места полуострова и изолировать Херсонес, превратив его в музей, доступный только для осмотра и для работ специалистов.

Далее, необходимо стремиться к реальному осуществлению издания огромных залежей музейно-археологического материала, которые накопились с 1907 года, т.-е. за годы наиболее интенсивных раскопок. Не следует упускать из виду, что до 1915 г. отпускалось по 10.000 руб. ежегодно на раскопки, не получая отчетов от производителя работ... Поэтому мы до сих пор не имеем почти ни одного печатного отчета за время с 1908 года! Только в настоящем году музей смог приготовить

¹⁾ Не следует забывать, что наиболее ценная и важная центральная часть городища навеки погибла для науки вследствие постройки монастырских зданий, и что южная часть древне-греческой оборонительной стены была разломана и уничтожена военным ведомством...

к печати и предполагает выпустить в свет отчет об этих раскопках с планами раскопанных участков, на основании имеющихся дневников, датированных фотографий и планов, согласованных с дневниками и описями находок. Одновременно музей также приготовил к печати вторую часть „Стен Херсонеса“, первая часть которых была выпущена в свет в 1926 году.

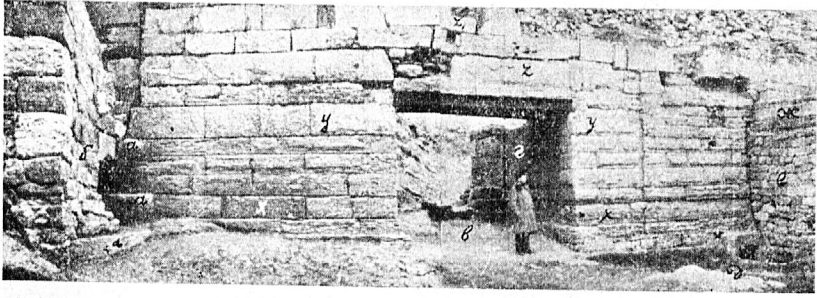
Для того, чтобы наш исторический очерк теснее связать с раскопками и чтобы всякий, знакомящийся с историей раскопок, конкретнее познакомился бы с самим Херсонесом, нами дается в конце очерка экскурсионный план городища с подробным объяснением местоположения главнейших памятников. В качестве приложения к плану нами помещен также краткий очерк истории Херсонеса—для лиц, с ним не знакомых.

Мы надеемся, что, вступая во второе столетие раскопок, Херсонес, как первая страница культурной истории юга СССР, еще более обратит на себя внимание специалистов-археологов и широких слоев рабоче-крестьянского государства. Мы надеемся, что не далек тот час, когда план раскопок Херсонеса, с учетом прежних промахов и недостатков, может быть, наконец, осуществлен и явится гордостью нашей советской науки в ряду ее достижений, сведения о которых уже теперь проникают далеко за пределы СССР!

В заключение от имени Херсонесского музея приносим благодарность, прежде всего, Главнауке за возможность напечатать очерк, затем Военно-Морскому архиву в Ленинграде, Археологическому музею в Одессе за любезное разрешение использовать архивные материалы, а также членам Херсонесской Юбилейной Комиссии, взявшим на себя труд проредактировать текст очерка (И. П. Бирзгалу, И. Э. Боданинскому, П. И. Голландскому, А. И. Маркевичу, А. И. Полканову, Д. С. Спиридонову и Н. Л. Эрнсту).

СОСТАВИТЕЛЬ.

26 апреля 1927 года.
Херсонес.



Древне-греческие ворота IV века до н. эры в Херсонесе (на плане № 8).

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ХЕРСОНЕСА. (ВВЕДЕНИЕ).

Херсонес Таврический, развалины которого находятся в 3 километрах от Севастополя, пережил три мировых культуры и существовал свыше 2.000 лет. Его основание произошло, повидимому, в VI веке до н. э. Первые поселенцы-греки происходили из Гераклеи, расположенной на южном берегу Черного моря. Причина основания Херсонеса — нужда греков в рынках для получения хлеба и прочего сырья из степей и для сбыта продуктов Греции. С VI и до конца II века Херсонес представлял собою чисто-греческую колонию, во главе которой стоял Совет народных депутатов (Булэ). Совет управлял демократической общиной посредством ежегодно избиравшихся архонтов. Во владении Херсонеса была вся западная половина Крыма до Евпатории включительно. Главным занятием жителей Херсонеса была заморская торговля. Он являлся чем-то в роде перепродавческого пункта для торговли Греции со степями нынешней Украины, тогдашней Скифии.

Есть данные говорить, что в этот греческий период Херсонес являлся цветущим и благоустроенным демократическим городом, при чем уже существовали классы общества, **существовали** очень богатые граждане, на что указывают отдельные находки в могилах. Около конца II века до н. э. Херсонес стали теснить тавро-скифы. Не имея силы от них защититься, жители обратились в Синоп за помощью к царю Митридату, знаменитому заклятому врагу Рима. Полководец Митридата Диофант с большим войском отправился в Крым и в течение двух лет разбил скифов, но подчинил Херсонес Митридату, заставив платить дань.

Так кончился древне-греческий период Херсонеса, от которого до нас сохранились великолепные оборонительные стены, башни, ворота, а также ряд общественных зданий. После смерти Митридата победоносные римляне получили в свое владение Херсонес, как добычу, но увидели, что этот город является необходимым для них ключом к степям Скифии, и дали ему средства залечить раны Митридатовой эпохи (эти раны до сих пор видны на стенах и башнях). Были обновлены

и перестроены его стены и прочие укрепления. Эпоха Рима, таким образом, явилась самой цветущей порой в экономической жизни Херсонеса. Так продолжалось до великого переселения народов, когда из широких азиатских степей в III веке н. э. хлынули, задев Крым, бесчисленные орды кочевников. Но, повидимому, это безвременье продолжалось в Херсонесе не долго, так как уже при императорах Феодосии и Аркадии (конец IV века), как говорит нам найденная надпись, Херсонес уже, несомненно, был в официальном подчинении Восточной Римской империи, центром которой был Константинополь.

Эта третья культурная эпоха („византийская“) продолжалась приблизительно 1.000 лет. В течение первой половины Средневековья Херсонес отличался особенным материальным благосостоянием, что можно видеть по сооружениям того времени и по могилам. Наоборот, вторая половина Средневековья была для Херсонеса временем, когда он, хотя медленно, но неуклонно шел к своему экономическому и политическому концу. Город погиб в XIV—XV столетии. Было много причин его падения. Во-первых, он погиб потому, что нашлись торговые соперники в лице генуэзцев, разбогатевших на плечах крестовых походов. Генуэзцы превратили Крым в свою колонию, при чем, чтобы обеспечить себе господство, они построили ряд военных крепостей; из них следует назвать Каффу (Феодосию), Солдайю (Судак) и, наконец, по соседству с опасным для них Херсонесом,—Чембало (Балаклаву). Есть сведения, что случайный набег литовцев и потом турок положил предел жизни многострадального города. Этот момент следует связать с падением в 1453 году Восточной Римской империи (взятие Константинополя турками).

Таким образом, Херсонес, основанный в VI веке до нашей эры, погибший в XV веке нашей эры, насчитывает 2.100 лет своего существования! За этот столь долгий период в нем, как мы видели, процветали, последовательно, три мировых культуры: древне-греческая, римская и византийская. В течение свыше 2.000 лет Херсонес светил, как маяк, тогдашним жителям широких степей нынешней Украины, являясь для нас одной из первых страниц, и притом страниц интереснейших и культурнейших истории нашего юга СССР. Мы не можем обойти молчанием древних культурных влияний, которые мы находим в курганах Украины, которые, несомненно, шли через Ольвию, Пантикапей и Херсонес. Мы не можем забывать старых связей Киева и Херсонеса, быть может, через полузагадочное Тьмутараканское княжество...

Словом, Херсонес является одной из первых страниц нашей истории; при чем такой страницей, которая связывает богатые степи юга СССР с древнейшими периодами мировой истории.

СТО ЛЕТ ХЕРСОНЕССКИХ РАСКОПОК.

(1827 — 1927).

I период — ЭПОХА БЕССИСТЕМНЫХ И СЛУЧАЙНЫХ РАСКОПОК (1827 — 1876).

Нельзя назвать заурядным юбилеем столетие херсонесских раскопок. Ведь, это столетие наполнено напряженной работой ученых, подвизавшихся на ниве вскрывания классической почвы Херсонеса, на ниве разрешения исторических задач и загадок. Раскопка Херсонеса-Корсуни, одно имя которого вызывает в нашем уме целые эпохи мировой истории, разумеется, должна была вызвать к жизни большой интерес к руинам великого древнего центра, сделать попытку воссоздать его историю, его топографию и бытовые черты жизни его обитателей.

Первая раскопка Херсонеса относится к 1827 году, когда, по распоряжению главного командира портов Черного моря адмирала Грейга, лейтенант флота Крузо в течение лета производил в трех местах Херсонесского городища раскопку видимых тогда еще на поверхности почвы остатков больших соборных храмов Херсонеса. Конечно, Крузо хотел открыть тот храм, который послужил, согласно летописному рассказу, местом крещения киевского князя Владимира после его удачной осады Херсонеса.

Крузо, по словам Дюбуа-де-Монпере, знатного и ученого путешественника, руководившего научной экспедицией в Крым и на Кавказ,¹⁾ произвел раскопки трех больших соборных храмов в центральной части Херсонесского городища. Один из них находится в настоящее время в западной части городища, за стеной монастырской усадьбы, и представляет печальное зрелище совершенно разрушенных остатков; второй находится в центральной части городища и над ним в настоящее время построен большой собор б. Херсонесского монастыря. Хотя и нельзя с достоверностью утверждать, что крещение Владимира произошло именно в Херсонесе, а тем более, именно в этом большом соборном храме, но можно говорить о том, что этот центральный храм стоял, несомненно, посреди города, на торговой площади, с давних пор, еще со времени языческого периода, служившей торговой площадью Херсонеса, его „агорой“, своего рода форумом, где была сосредоточена вся политическая жизнь города.

Открытый Крузо храм имеет крестообразный план (в форме равноконечного креста) и относится, судя по остаткам античных построек,

¹⁾ Из путешественников, оставивших заметки о состоянии Херсонеса до раскопок, следует упомянуть М. Броневского, Палласа, Сумарокова, Дюбуа-де-Монпере и др.

замурованных в стены храма, к тому периоду, когда разрушались языческие капища, что могло быть только в V—VI столетии. Таким образом, новооткрытый Крузо храм должен был принадлежать к ранне-христианской эпохе. Есть упоминания, что в этом храме Крузо нашел много остатков драгоценных украшений, в виде мраморных колонн, остатков мозаики. Так как арх. Иннокентий, на основании докладной записки вице-президента Одесского Общества Истории и Древностей Н. Н. Мурзакевича, был убежден, что именно этот храм был местом крещения Владимира, то над ним выстроили большой монастырский собор, явившийся как бы футляром для древней церкви. Первоначальная мысль Мурзакевича, судя по сохранившемуся в архиве Одесского музея докладу, состояла в том, что этот храм целиком восстанавливается, при чем все его внутреннее и внешнее убранство восстанавливается на основании произведенных в нем археологических находок, так что целые колонны с капителями и базами ставятся на их прежние места и только то, что сильно повреждено временем, доделывается современными мастерами, но по древним образцам.

Однако, эта мысль Мурзакевича осуществилась в сильно искаженном виде. Тот собор, который в настоящее время стоит на месте храма, открытого Крузо, увы, далеко не является восстановлением древнего храма.

Третий храм, открытый Крузо, находится в северо-восточной части Херсонеса, а именно — к югу от главной улицы города, идущей с запада на восток. Этот третий храм представляет собою так называемую базилику.

Эта форма древне-христианского храма отличается от крестообразной тем, что она представляет в плане вытянутый прямоугольник, одна сторона которого, обращенная на восток, имеет одно или три заалтарных полукружия, называемых абсидами.

Во время раскопки внутри базилики Крузо открыл много могил, главным образом, в нарфике (предхрамии), при чем на руках костяков нашел большое количество стеклянных браслетов.

Эта первая, засвидетельствованная историей, раскопка Херсонеса, разумеется, с технической точки зрения представляется весьма несовершенною. Кроме того, никакого предварительного плана у Крузо не было. Его руководителем были еще торчавшие из земли древние развалины, наполовину заплывшие землей. Никаких обще-исторических или топографических проблем, кроме попытки найти место крещения Владимира, Крузо не пытался разрешать. Не было также, несомненно, и нужных исторических знаний. Эта раскопка была несколько случайной, а потому и не могла повлечь за собой ряда дальнейших систематических работ. Эта первая раскопка Крузо стоит одиноко, как первая большая попытка с лопатой в руках открыть историю немых развалин древнего великого центра трех мировых культур!

И так, первая раскопка была случайной и неподготовленной, а потому и осталась без продолжения на долгое время. В архиве Одесского

О-ва Истор. и Древн. имеются любопытные указания на то, что все городище Херсонеса было именем Крузо, или, как называет его З. Аркас, Крюзе. Очевидно, что вышеупомянутый лейтенант флота, пристрастившийся к раскопкам, получил во владение этот интересный участок земли, полный жилого мусора, древних построек и могил...

Мы имеем в Отчетах Одесского О-ва определенные сведения о том, что другой лейтенант флота кн. Барятинский до 1835 года также производил какие-то раскопки на Херсонесском городище.¹⁾ Однако, все наши архивные поиски, к сожалению, не увенчались успехом: повидимому, Барятинский не оставил после себя никакого заметного следа.

Состояние всего Гераклеийского полуострова, в том числе и руин Херсонеса, мы можем, как это мы видели и раньше,²⁾ проследить со времени посещения этих мест послом польского короля Стефана Батория—Мартином Брониовиусом (Броневским), т.-е. с 1578 года. Этот первый свидетель говорит: „Развалины, достойные удивления, явно свидетельствуют, что здесь некогда был великолепный, богатый, славный и многолюдный город с отличною пристанью. Еще и теперь у самого берега пристани, а также во всю длину перешейка возвышается высокая стена и многочисленные и большие башни из огромных тесаных камней. Город уже много веков стоит пуст и необитаем, представляя одни развалины и опустошения... Прекрасные колонны из мрамора и серпентина, места которых еще и теперь видны, и огромные каменные плиты были взяты турками и перевезены за море для их собственных домов и общественных зданий... Дома лежат в прахе и сравнены с землей“.³⁾ Первая археологическая карта Херсонеса и всего Гераклеийского полуострова, с нанесением всех древних укреплений, была снята в 1786 году. Ее автор—военный землемер А. Струков. Эта карта в масштабе 250 саж. в дюйме для нас чрезвычайно драгоценна и хранится в архиве Одесского музея.⁴⁾ На ней вполне отчетливо обозначена вся линия обороны Херсонеса, которая тогда, до превращения еще городища в каменоломню, была еще хорошо видна на поверхности земли.

Проходя мимо случаев неожиданных находок, которые иногда, время от времени, естественно, имели место на территории Херсонеса, мы вступаем в 40-х годах в полосу действия известного Одесского Общества Истории и Древностей, основанного в 1839 году. Благодаря энергии его „знаменитого“ вице-президента Николая Никифоровича Мурзакевича, мы имеем сохраненными огромной важности памятники Херсонеса, перевезенные в свое время в Одессу. Благодаря энергии своего вице-президента, оно следило с поразительной зоркостью и умением

¹⁾ Он копал, кроме того, островок в Казачьей бухте со следами византийского монастыря.

²⁾ См. примечание на стр. 9.

³⁾ Есть и другие подобного рода свидетельства, но более позднего времени, как-то: Палласа, Сумарокова, Дюбуа и др.

⁴⁾ № 4/84.

за тем, чтобы Херсонес не превратился в арену кладоискательства. В архиве Одесского Общества мы встретили несколько бумаг к командиру черноморских портов адмиралу Лазареву I, к епископам Таврической епархии, говорящих об одном и том же: о необходимости установить наблюдение над Херсонесским городищем. В это же время в Севастополе жил замечательный для того времени человек—З. Аркас. Рекомендованный Одесскому Обществу адм. Лазаревым I, З. Аркас скоро делается действительным членом Общества и следит за городищем Херсонеса. Вот некоторые моменты его деятельности. Впервые он выступает на сцену в 1845 году. ¹⁾ Дело в том, что Одесское Общество уже на следующий год по своем открытии (т.-е. в 1840 г.) обратилось к начальнику Черноморского флота и портов М. Лазареву I с просьбой о доставлении сведений и планов Инкермана, Херсонеса, Мангуп-Кале и др. достопримечательных мест Крыма. ²⁾ 5 июня 1845 г. Общество пишет туда же тому же лицу подтверждение своей просьбы. ³⁾ В 1845 г. в Херсонесе в районе Карантина была сделана случайная находка древней гробницы. Сведения о ней сообщил член Од. О-ва Тетбу-де-Мариньи. Вследствие этого Лазареву направляется просьба о доставлении найденных предметов в Одессу. Вот в ответ на эту просьбу Лазарев и поручает вниманию Одесского Общества вышеупомянутого З. Аркаса, „первоприсутствующего севастопольского Статистического Комитета“.

Одесское Общество ⁴⁾ просит вновь адм. Лазарева I организовать разыскания на городище Херсонеса всех лапидарных памятников и о помещении их в музей Общества. „Лежа в гряде камней, говорится в бумаге, все замечательное легко может быть употреблено на постройку и, таким образом, навсегда потеряно для потомства“. В 1846 г. Общество уже прямо просит Лазарева поручить Аркасу собирать на территории Херсонеса все замечательные лапидарные памятники и отсылать их в Одесский музей Общества.

З. Аркас, не удовлетворяясь простыми поисками древних памятников на поверхности почвы, несомненно, хочет приступить к настоящим раскопкам на территории Херсонеса. Он пишет Одесскому Обществу, ⁵⁾ что хочет просить у адм. Лазарева 5—8 человек солдат при унтер-офицере для розысков замечательных памятников на месте Херсонеса.

Несомненно, Аркас мечтал о раскопках, которые в то время разматривались почти исключительно с кладоискательской точки зрения. В этом отношении Одесское Общество не отличалось от других научных и гражданских учреждений, производивших раскопки. Вспомним раскопки первой половины XIX века в Керчи, на Таманском полуострове, вспомним, наконец, раскопки на территории Греции. Всюду мы

¹⁾ Отнош. адм. Лазарева I от 2/XI за № 17628—архив Одесского музея.

²⁾ Отнош. № 29 от 24/IV—1840 г.

³⁾ № 145.

⁴⁾ Архив, отношение от 22/X—1845 г. за № 184.

⁵⁾ № 225 от 24/VIII—1847 г.

наталкиваемся на одну и ту же картину: на раскопки смотрят только как на способ пополнить коллекции того или иного музея. Разумеется, эта примитивная точка зрения на раскопки принесла большой вред, так как предметы вырывались из той среды, которая их создала, без должной фиксации места находки, без обращения внимания на сопутствующие обстоятельства самой находки. Но... трудно нам судить людей того века, так как наука живет, развивается, а с нею вместе совершенствуется и точка зрения на предметы и метод разыскания предметов древности. Несомненно также, что 100 лет спустя такой же критике будут подвергаться и наши методы работы, как бы совершенны они нам ни казались...

В 1846 и 1847 гг. в Херсонесе производил раскопки „чиновник министерства двора“ Карейша. Этот работник чрезвычайно интересен, как яркий представитель именно такого кладоискательского рвения к раскопкам. Работая бок-о-бок с директором Керченского музея А. Ашиком, Карейша причинил не мало огорчения последнему тем, что вырывал из-под его рук самые „аппетитные“ древние курганы, пользуясь своим независимым положением и покровительством Петербурга. Этот Карейша появился и в Херсонесе. Что же побудило его бросить излюбленную им Керчь и переехать в Херсонес? Послушаем извлечения из его отчетов, напечатанные в журнале Мин. Вн. Дел 1848 г. (том XXI): „разрытия около Керчи с каждым годом дают все менее и менее археологической добычи“... Это оскудение керченской почвы и было причиной того, что Ашик и Карейша, не ограничиваясь более окрестностями Керчи, стали в последние годы производить археологические экскурсии в другие части Крымского полуострова... Так, в феврале, марте, апреле и частью в мае месяцах 1847 г. Карейша производил поиски в окрестностях Севастополя, на пепелище древнего Херсонеса. Вот что говорит он об этих поисках: „По прибытии моем в Севастополь в начале февраля, я тотчас же осмотрел вновь местность древнего Херсонеса и ближайших его окрестностей и начал разрытия в полуверстном расстоянии от стен этого города, близ существующего ныне там Карантина. Тут сначала стал я отыскивать подземные склепы, высеченные в скалах мягкого известкового камня, и нашел несколько их с узкими квадратными отверстиями у входа и лежанками с трех сторон, на коих в беспорядке набросаны были кости покойников. К сожалению, ни один из них не оказался целым; все были осмотрены и разрушены в давнее еще время, при нашествии литовцев с Гедимином на Гераклеийский полуостров (?) или же рабочими, при основании Севастополя, которые, ища удобного для постройки домов камня, часто разоряли древние гробницы херсонитян. Подвинувшись немного в сторону, повыше этих катакомб, я открыл пять гробниц, вырубленных на некотором расстоянии одна от другой, в каменистом грунте, и засыпанных сверху землей. В четырех из них не было найдено ничего, кроме остовов, а в пятой найдены: у рук покойника—маленькая стеклянная слезница и медное зеркало; на пальцах—медное же колечко,

а в головах—простой глиняный кувшинчик. Столь неудачная попытка при отыскивании древних склепов или катакомб, из коих я не нашел ни в этот раз, ни прежде в 1846 г. ни одного целого, побудила меня перенести работы в середину стен Херсонеса и начать разрытия в огромном кургане, занимающем значительное протяжение вдоль стен и в виду главных ворот города, которые были защищены башнями, ныне едва заметными. Там я стал производить, в большом размере, рассеки в разных местах, углубляясь до материка. Несмотря на то, кроме медных, сильно испорченных ржавчиною, и потому, большею частью, неясных монет X—XI веков, ничего более из вещей не оказалось. Только в просеке с северной стороны на глубине 5 сажен, кроме монет, найдены еще: мраморная тумба, медный, грубой работы крест, глиняный кружок с оттиснутым на нем крестом и четверугольный кусок толстого стекла, служивший, повидимому, для мозаической работы стен. Сверх того, с западной стороны, на глубине более 4 сажен, оказалась стена здания, вышиною с полсажени, сложенная из огромных тесаных штук инкерманского камня, утвержденных на бутовом фундаменте. По осмотре стены с обоих боков ее, оказалось, что спереди, к западу, были укрепления, в роде террас, как бы для того, чтобы земля не осыпалась и не вредила тем фундаменту: обстоятельство, которое может служить подтверждением, что курган, о коем идет речь, был не могильный и что на нем стояло какое-либо общественное здание или монастырь... Употребив здесь много времени, трудов и издержек без всякого успеха, я начал после того разработку одного очень широкого и плоского кургана, почти на самом берегу моря, там, где, по описанию Константина Порфирородного, был дворец Ламаха. Но и в этом месте разработки мои не были удачнее: я отыскал в нем, после значительной раскопки, только одну мраморную, грубой работы, небольшую статушку, и то с отбитыми руками и головой, да несколько испорченных временем монет¹⁾. Этим закончились раскопки Карейши в Херсонесе.

Повидимому, такой неудачный конец довольно сильно обескуражил археолога, привыкшего к богатым находкам керченского некрополя. Понятно, что после раскопок 1846 и 47 гг. Карейша более в Херсонесе не появлялся. Для него не представляло никакой привлекательности расследование древних улиц, домов, храмов, находки архитектурных обломков, надписей и проч. Это было не то, чего он искал... На несколько лет заглох интерес к Херсонесу, по крайней мере, интерес кладоискательский. Только в 1851 году тот же неутомимый З. Аркас, бывший, своего рода, хранителем Херсонесского городища со стороны Одесского Общества, доносит на имя Н. Мурзакевича о новых раскопках, на этот раз самочинных, со стороны „некоего лейтенанта, по имени Шемякина“. Вот как описывает Аркас раскопку Шемякина:¹⁾ „Спешу уведомить Вас, пишет З. Аркас, что один лейтенант, по имени

¹⁾ Дело Одесского Музея № 35, отнош. от 30/III—1851 г.

Шемякин, нашел на развалинах Херсонеса, у башни, которая находится между пристанями, устроенными по западную сторону, у самого моря,— мозаики, подобные Софийской церкви. Это обстоятельство заставило его привести нескольких рабочих и, открывая, он нашел: на стенках—окрашенную штукатурку; пол, выстланный крупным простым мозаиком; куски мраморных узких пилястр, с резьбой прямых полукруглых линий и на одном из них вырезан крест,—а под этими мраморами нашлись человеческие остовы, но монет—никаких. Мелкий же хороший мозаик разного цвета, в числе коих есть и золотистого, находят по всему пространству. Шемякин открыл только южную стену этого здания, и, как он хотел присвоить себе все найденные им вещи, то карантинное начальство и я не позволили ему, и потому он прекратил свои занятия. По рассмотрению мною этого места, здесь, кажется, должна быть церковь, длиной—13, шириной—5,5 саж.; алтарь ее—круглая башня, означенная в моей карте между пристанями, а примыкающая к нему стена—северная паперть—давно обрушилась в море и камней нет. Рисовка на штукатурных стенах очень похожа на рисовку под образами, но выше нет стен, на которых, вероятно, были изображены лики образов. Разноцветный мозаик, разбросанный по всему пространству, полагать должно, был на куполе и, когда обрушился он,—рассыпался. Впрочем, это одно мое предположение. Чтобы удостовериться, нужно открыть все это место, но без содействия начальства сделать не можно. Отысканный Шемякиным мрамор: 10 кусков пилястру, одна мраморная база, без надписи, отобраны и хранятся в Карантине“... В Архиве Одесского музея, кроме того, хранится официальный рапорт Аркаса по поводу раскопок Шемякина, в которых говорится, что он ему запретил копать и отобрал все находки.¹⁾ Одесское Общество на это реагировало отношением на имя командира Севастопольского порта Хрущева с просьбой запретить частным лицам производить раскопки в Херсонесе. Все находки из раскопок Шемякина поступили впоследствии в Одесский музей.

Повидимому, просьба Общества о запрещении производить раскопки в Херсонесе имела под собою, помимо работ Шемякина, какие-то неприятные прецеденты. Намеком на происходившие в Херсонесе самочинные раскопки и поиски предметов древности служат два письма какого-то гражданина Севастополя Славони, хранящиеся в архиве Одесского музея.²⁾ В одном из них прямо говорится о том, что в Херсонесе происходят самочинные поиски древностей, и автор письма просит Общество разрешить ему копать в Херсонесе. При другом письме он прилагает в дар музею Общества 3 монеты, желая прочесть об этом в „Одесском Вестнике“.

Совершенно ясно, что в Севастополе, принимая во внимание наличие нумизматов, покупавших монеты (как Бурачков, Вахье, Сабатье и проч.), развился своеобразный, очень выгодный промысел: поиски древностей и сбыт их.

¹⁾ Рапорт от 30/IV—1851 г.

²⁾ Дело № 16, II часть от 1847 и 48 гг.

1853 год отмечен раскопками гр. А. С. Уварова. Последний производил исследования некрополя, описанные им в „Прописях“, IV и в „Извлечении из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г.“ Мы не будем подробно останавливаться на изданном и доступном для ознакомления материале. Скажем только, что руководителем раскопок оказался тот самый Шемякин, который начал в 1851 г. раскопки большой базилики на северном берегу Херсонеса. Уваров же имел только общее наблюдение. Что это так, подтверждает интересное донесение Н. Мурзакевича о том, что он увидел в Херсонесе после Крымской кампании 1854—55 гг. ¹⁾

„По распоряжению Общества отправясь в Севастополь,—пишет Н. Мурзакевич,—я 5 числа сего месяца (т.-е. 5 октября 1860 г.), имел свидание с ген.-лейт. З. Аркасом и игуменом о. Евгением и показывал им предположение Общества касательно могущих быть археологических поисков в Херсонесе и его окрестностях. Со стороны о. Евгения тоже проявлена готовность производить изыскания в Херсонесе, а от г. Аркаса—согласие наблюдать за раскопками, если оные будут делаться вне византийского Херсонеса.

„Остатки византийского Херсонеса, несмотря на последствия бывшей 11-месячной, беспримерной в военных летописях, битвы, и на то, что посреди оного была возведена неприятелями против Севастополя сильная батарея и прокопаны параллельные рвы, историческая местность, не смотря на это, меньше повреждена, чем предполагалось. Фундаменты церквей и других зданий, нанесенных на план Аркасом, ²⁾ и теперь хорошо видны, тоже и обширная базилика на самом берегу моря, которая была открыта в 1853 году Шемякиным под наблюдением гр. Уварова.

„В 1852 году, по распоряжению Иннокентия, арх. Херсонского и Таврического, иеромонахом Василием был вскрыт фундамент крестовидной церкви. При посещении моем Херсонеса в июле 1852 года, совместно с З. Аркасом, сняли на месте план этой церкви вместе с фундаментом соприкосновенных с нею жилых зданий. Имея в виду сказание преподобного Нестора, описавшего осаду Херсонеса в 988 году вел. князем Владимиром и определившего местность церкви, в которой вел. князь, по взятии города, принял крещение, мы тогда же предположили, что вскрытый фундамент церковный и смежные с ним постройки могли быть — церковью Богородицы, где Владимир крестился, и домом, где жила царевна Анна. Предположение наше сообщили арх. Иннокентию, который тогда же возымел желание восстановить эту церковь при учреждаемой здесь монашеской обители. Восстановление церкви по древним планам производилось епархиальным архитектором Отоном под моим руководством. Мысль наша была: при восстановлении храма во всех его древних пропорциях вместить в него все те капители, колонны, пьедесталы, карнизы и разные орнаменты, которые отысканы

¹⁾ Хранится в делах 1860 г. в Од. музее.

²⁾ См. II том Записок Од. О-ва.

в Херсонесе и которые хранятся в музее Общества. Недостающее же число других принадлежностей предполагалось воспроизвести по древним образцам, существующим в обломках“.

„Для пользы науки, говорит далее Мурзакевич, необходимо раскрыть как соседние к этой церкви фундаменты, так и базилику с прочими зданиями более или менее уцелевших фундаментов. Кроме находки древних монет и вещей, откроются архитектурные произведения, которые даже в обломках художникам, нуждающимся в прототипах, подадут образцы истинного церковного зодчества. По систематическом вскрытии необходимо фундаменты церквей и общественных зданий сохранить в том виде, в каком будут найдены. Это теперь, при ближайшем монастырском надзоре, легко выполнить...“ Для нас, знающих, как монастырь относился к памятникам древности, последняя фраза Мурзакевича, лично происходившего из духовного звания, звучит горькой иронией... Как известно, монахи навсегда погубили для науки центральную, наиболее ценную часть Херсонеса...

Как бы дополнением к этому донесению Мурзакевича, хранящемуся в Од. музее, ¹⁾ служит интересное письмо-рапорт игумена Василия к арх. Иннокентию. Приводим выдержки из этого письма, хранящегося в подлиннике в архиве Од. музея: ²⁾

„При открытии места около развалин храма, который назначен к возобновлению в память крещения кн. Владимира, с правой стороны их, равно со стеною большого строения, открыты остатки трех мраморных колонн, на таких же пьедесталах. Они обращены к церкви, и, как видно, образовали галерею какого-нибудь большого и хорошего дома, остатки которого частью открыты. Теперь, кажется, можно сказать, что это был терем царский... Впереди алтаря тоже отысканы стены с перегородками; но для верного определения все это нужно углублять и расчищать далее. Теперь работы прекращены, так как 18 рабочим нужно заплатить за 20 дней по 25 коп. сер.—90 руб., а денег нет. Гр. Уваров еще не начинал работы в Херсонесе. Теперь люди его работают против Карантина, где есть подземные ходы и древнее кладбище. Уваров намерен раскрывать церковь при море и то место, на котором видны следы древней церкви. Оно—заросшее и неогороженное, и на плане Кене показано, что это церковь св. Климента, еп. Анкирского“.

Второе письмо, помеченное 17/XI того же 1853 г., того же Василия дает некоторые детали уваровской раскопки: „...уведомляю Ваше Пресвященство, что гр. Уваров 7 числа сего месяца начал разрывать развалины церковные подле моря. Теперь сбросили сверху камни, вырвали коренья травные и между этим нашли верх мраморной колонны, вырезанной с листьями, еще несколько отломков мраморных колонн и пьедесталов, отломки таких же плит с высеченными на них крестами, отколотыми по краям. В земле лежат две колонны мраморные, длиной 6 арш.

¹⁾ Архив. Дело № 35.

²⁾ Дело № 35, от 6/XI—1853 г.



БИБЛИОТЕКА
CHERSONESSEITANA

каждая, но еще не открыты совсем. Граф намерен просеивать землю сквозь решето для того, не найдется ли какая маленькая частичка камня или металла с надписью? Работы их продолжаются. Теперь, когда очистили основание, видно, что левый угол здания упал в море, сажени на две...“

Раскопка Уварова является, собственно говоря, первой раскопкой, преследовавшей не цель обогащения музеев, а исключительно желание, ради научно-исследовательских задач, вскрыть часть почвы древнего Херсонеса. Конечно, здесь не было определенного плана в работе, конечно, трудно ответить на вопрос, почему именно это место избрал Уваров для раскопки, а не другое? почему на этом именно месте он и закончил свои разыскания, увенчавшиеся, казалось бы, таким успехом? Трудно решить... он взял на пробу одно из мест, казавшихся ему интересным, и раскопал его. Находки частично были отправлены в Ленинград.

И посейчас археологи открытую им базилику называют по его имени. Это древне-христианская базилика, доследовавшаяся впоследствии и Косцюшко-Валюжиничем и Лепером (находка атриума). Она находится на самом берегу моря, настолько близко к нему, что часть базилики еще до ее раскопки была погублена морскими волнами, а в 1911 г. морской шторм погубил еще снова большую часть абсиды и северного нефа храма. Перед нами — самый большой храм Херсонеса (план; № 10).

Таким образом, мы подошли вплотную к раскопкам и разведкам, которые начало на территории Херсонеса Одесское Общество Истории и Древностей. Как уже мы видели раньше из донесения Мурзакевича, Одесское Общество с 1860 года лелеяло план систематических раскопок Херсонеса. Однако, отсутствие средств не позволило привести в исполнение это намерение до 1876 г.

II период — РАСКОПКИ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Если первый период херсонесских раскопок мы смело можем назвать эпохой бессистемных и случайных работ, производившихся на свой риск и страх частными лицами, если вспомним, что до 1839 года, т. е. до момента возникновения Одесского Общества, собственно говоря, не было планирующего эту работу государственного или общественного органа, то второй период, а именно эпоху раскопок Одесского Общества Истории и Древностей, мы можем с полным правом назвать *временем первых систематических раскопок Херсонеса*. Конечно, и раскопки Одесского Общества имели свои крупные недостатки, прежде всего, плохо поставленный надзор за рабочими и полное отсутствие охраны раскопанных памятников древности, далее, отсутствие забот о местном музее. Несмотря на это, следует отметить, что *общая линия подхода к раскопкам городища была взята совершенно правильно*. Познакомимся ближе с организацией раскопок Одесского Общества и посмотрим, насколько целесообразно были взяты предварительные установки, лейт-

мотивы предположенных им работ. Необходимо указать, что очень краткие сведения об этих раскопках с 3 планами напечатаны в отчетах Од. О-ва за годы: 1876—87. Кроме того, кое-что, но маловажное, хранится в архиве Одесского музея. Следует указать, что в этом же архиве хранится план работы Григорьева, изображающий план и разрез раскопанного в 1883—84 гг. подземного ранне-христианского храма. (Этот план и разрез до сих пор нигде не опубликованы).

В отчете Одесского О-ва за 1875—76 гг. сказано, что синод постановил ежегодно из хозяйственных сумм выдавать Одесскому Обществу по 1.000 руб. на раскопки древнего Херсонеса. Конечно, решающую роль в подобной щедрости синода сыграло то обстоятельство, что в Херсонесе-Корсуни крестился князь Владимир и что находки должны иметь значение для церковной археологии древней Руси.

Одесское Общество организовало раскопочный Комитет в составе вице-президента Общества Н. Мурзакевича, настоятеля Херсонесского монастыря игумена о. Анфима, П. Бурачкова и техника, военного инженера К. Геммельмана.

Раскопочная программа состояла в том, чтобы *„систематически раскрыть следы византийского Херсоня, его храмов, а из извлеченных архитектурных предметов, разнообразных ваяний, монет и вещей создать христианской музей“*. При этом следует упомянуть, что Н. Мурзакевич почему-то считал „неудобным для христианского монастыря хранить у себя языческие древности“ (!), а потому было решено с самого начала все „языческие“ памятники, находимые во время раскопок Херсонеса, передавать на хранение в Одесский музей Общества.¹⁾

Как видит читатель, программа раскопок составлена вполне научно, без установления каких-либо узких проблем, что, несомненно, только связывало бы исследователя, не позволяя во всем объеме развернуть работу. Совершенно ясно, что городище с его 2000-летней жизнью вполне может дать в процессе раскопки ряд проблем, не говоря о некрополе. К чести Одесского Общества, надо сказать, что оно не погналось за отысканием музейных вещей, что оно не бросило все силы, как это сделала Археологическая Комиссия в Керчи, на раскопки только некрополя,—нет! Следует сказать, что раскопки Олимпии (в архиве Одесского музея есть переписка Общества с греческим консулом по поводу олимпийских раскопок: видно, какой интерес проявляло Общество к замечательным археологическим открытиям на западе), раскопки на о. Самофракии и работы Шлимана, интересовавшие Одесское Общество,—все это достаточно сильно повлияло на психологию членов Общества, чтобы они оставили в стороне раскопки могильника и устремили все свои силы на раскопку городища, т.-е. развалин древнего города, для вырешения проблем жизни его населения, восстановления его истории, топографии, вопросов религии и искусства. Но... был другой промах: Общество, к сожалению, не имело в Севастополе человека

¹⁾ Отнош. Од. О-ва № 67 от 30 IV—1868. Дело № 8-а, II.

с достаточным образованием, способного стать во главе такого сложного и ответственного дела, каким являются раскопки. Сильно вредило, с другой стороны, и то обстоятельство, что в дело был замешан Херсонесский монастырь, так как деньги шли от синода. Эти два обстоятельства привели прекрасно начатое дело к неудовлетворительному концу.

Деньги в размере 1.000 руб. были получены только 20 августа 1876 г. Начатые вскоре после этого раскопки пришлось отложить, так как все рабочие были отвлечены сооружением новых военных укреплений. „Под надзором б. настоятеля монастыря игумена Анфима и инженера Геммельмана, — говорит отчет Од. О-ва за 1876—77 гг. стр. 9, — начаты в декабре 1876 г.¹⁾ правильные раскопки, почав от древней базилики (свв. апостолов или Климента?), что на северо-западной части моря, и далее внутрь монастырского участка“. Открыты следы многих фундаментов, круглой крестообразной церкви (позднее определено, что это — крещальня, что возле Уваровской базилики) с едва приметными остатками фресок, коридор с жилыми строениями с простым мозаичным помостом, 3 колодца для сбора дождевой воды и сосуда с остатками рыбных запасов. В октябре 1877 г., неподалеку от описанных следов, открыты следы другой церкви с тремя полукругами в алтарной части и прекрасным разноцветным мозаичным полом, с каменною оградой, к сохранению которых приняты надлежащие меры (вышеописанная трехабсидная базилика находится по соседству с Уваровской, к западу от нее). В следующем году раскопки шли попрежнему под руководством Геммельмана, при чем работы шли одновременно в трех местах, а именно: 1) заняты были открытием трех соборных храмов Херсонеса; 2) вновь исследовалась Уваровская; 3) раскапывалась Восточная и доследовалась Крузовская базилика, третья из им открытых (см. выше). При чем в отчете есть упоминание, что Восточная базилика открыта была первоначально лейтенантом флота кн. Барятинским до 1835 года.

Во время раскопок попадалось много бронзовых, медных и стеклянных предметов, но сколько-нибудь значительного открыть и на этот раз не удалось.

Раскопки 1878—79 гг., продолжая, в общем, прежнюю линию раскопок восточной части Херсонесского городища, обогатили науку важной находкой знаменитой мраморной плиты с надписью в честь полководца Митридата — Диофанта, победителя крымских скифов и освободителя Херсонеса от их вторжения. Отчет жалуется на то, что часто в ночное время неизвестные лица, ночью подплывая к херсонесским развалинам, похищают мраморные колонны, плиты, сбывая их за высокую цену в Севастополь. Общество наняло особого ночного сторожа, необходимого и для охраны мозаики в трехабсидном храме, находившемся рядом с Уваровской базиликой, к западу от нее.

¹⁾ Участвовало от 12 до 20 рабочих. См. письмо о. Анфима от 28/II—1876 г. Дело 1876 г. в архиве Одесского музея.

Раскопки следующего года ничем замечательным не увенчались. В этом же году кн. Воронцов пожертвовал в монастырский музей находившуюся у него в Алушке мраморную плиту с знаменитой надписью времени имп. Зенона о сооружении башни.¹⁾

Раскопка 1880—81 гг. состояла в расчистке главной улицы Херсонеса, идущей с запада на восток. При этой работе была открыта мраморная база с надписью в честь Аристана, времени имп. Адриана.

Кроме того, в находящемся неподалеку от монастыря винограднике (вблизи Херсонеса) случайно были открыты следы городского водопровода, доставлявшего воду жителям Херсонеса. Этим вопросом особенно заинтересовался местный землевладелец Недзельский, представивший в Одесское Общество план всего места с показанием линии водопровода и с рельефом местности, хранящийся в настоящее время в архиве Одесского музея.²⁾

До 1881 г. ежегодно синод отпускал по 1.000 руб. Совершенно неожиданно хозяйственный отдел синода, за сокращением общего бюджета, прекратил отпуск этой суммы. Вопрос о раскопках оказался открытым.

Архив Одесского музея хранит любопытную переписку по этому предмету, при чем Общество, пользуясь своими петербургскими связями, выхлопотало в виде единовременного дара, для того, чтобы спасти положение, 1.000 руб. от бывшего министра народного просвещения Николаи. Организованный Обществом сбор добровольных пожертвований на устройство „христианского музея“ дал уже около 600 руб. Сами раскопки продолжали раскрытие древних сооружений вдоль главной улицы, закончив в этом году раскопку и самой улицы.

В следующем 1882—83 году раскопки продолжались попрежнему в восточной части городища, при чем подверглись раскопкам следующие места: во втором квартале с правой стороны главной улицы, считая от храма, открыты два угловых помещения, соединяющиеся между собою в нижнем этаже дверью. Из них во втором находится цистерна, в форме кувшина, очищенная от мусора только на глубину 1 сажени. Далее, открыта поперечная улица между вторым и третьим кварталами с правой стороны, и задняя—юго-восточная, параллельная главной, так что в этом году были раскопаны все четыре улицы вокруг второго квартала. Далее, была раскопана часть следующего на восток квартала, при чем обнаружена подземная церковь, правда, расследованная в этом году только наполовину. К сожалению, истинного назначения и смысла этого замечательного памятника производители работ не уловили. Далее, работы шли и в окрестностях Уваровской базилики, но здесь только был

¹⁾ Хранится ныне в Херсонесском музее. См. наш „Иллюстрированный путеводитель по Херсонесу“ (1926), стр. 146, где указана литература.

²⁾ Недзельский предлагал проект создания оросительной сети Гераклеиского полуострова на основе древней водопроводной сети, но А. Л. Бертье-Делагард в письме на имя Од. О-ва доказал дороговизну и нецелесообразность этого предложения. (Архив Од. Музея. Дело за 1881 г.)

обнаружен водопровод. При отчете Од. О-ва за 1882—83 гг. приложен схематически исполненный план, на котором нанесены части городища, подвергнутые расчистке.

В следующем 1884 году Общество получило субсидию в 1.000 руб. из сумм Министерства Народного Просвещения и смогло продолжать прежние разыскания. В целях прекращения хищений мелких предметов, достигших грандиозных размеров, о чем в делах Одесского музея имеются характерные реляции члена Общества Краузе, сменившего Геммельмана, Од. Общество решило уничтожить бывшее двоевластие в производстве раскопок и всецело подчинило их ведению монастыря. Далее, предложили монастырю иметь дело не с отдельными рабочими, а с ответственным лицом—с подрядчиком. В отчете О-ва напечатан подробный договор с подрядчиком, интересный по некоторым бытовым чертам.

Раскопки продолжались с перерывами с 12 мая по 8 октября во втором квартале с левой стороны ¹⁾ от большой улицы, от места находки памятника Аристана к северо-западу до церкви с мозаичным полом, находящейся рядом с Уваровской базиликой на берегу моря, а затем раскопки продолжались и в третьем квартале. Подробные 2 плана (общий и деталь второго квартала) приложены к печатному отчету Од. О-ва за 1883—84 гг. Кроме того, в архиве Од. музея хранится упоминавшийся ранее рукописный план работы Григорьева, изображающий подземный храм, окончательно расчищенный в 1884 г. ²⁾

Следующий 1885 год был несколько неблагоприятен для раскопок, так как пошло усиленным темпом воздвигание крепостных сооружений, а потому отсутствовали рабочие руки. Только 27 сентября было, наконец, приступлено к раскопкам, при чем главное заведывание работами попрежнему оставалось в руках монастыря, но вместо прежних лиц от О-ва были назначены Азаревич и Григорьев.

Так как за этот год, равно как и за следующий, ничего выдающегося и важного сделано не было, то поэтому на них не будем останавливаться.

Таковы, в общих чертах, были результаты раскопок Одесского Общества. В следующем году в дело вмешалось Московское Археологическое Общество, в лице гр. Уваровой, и Археологическая Комиссия. Было решено, что Одесское Общество будет вести раскопки совместно с Археологической Комиссией, при чем О-во выделило для этой цели ответственное лицо А. Л. Бертье-Делагарда, а в виде производителя работ—К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Несмотря на свои видимые недостатки и промахи, работы Одесского Общества на территории Херсонеса оставили в науке глубокий след: был обнаружен византийский Херсонес, с его правильными улицами, скученными домами и великолепными храмами. Более того: были

¹⁾ Считая от собора, т.е. к северу от главной улицы.

²⁾ Хранится в архиве под № 92-д.

открыты несомненные следы древнего Херсонеса, города до-христианского, языческого периода, а это было своего рода открытием, так как Общество, увлеченное изучением византийского города, не видело его вековых предшественников в лице древне-греческого и римского Херсонеса... Раскопки Одесского Общества, не выхватывая отдельных частей города, дали попытку систематического вскрывания древней почвы. К сожалению, сопутствующие обстоятельства были крайне неблагоприятны для правильного процесса раскопочной работы...

Работы Одесского Общества еще и потому оставили в науке глубокий след, что они открыли и ввели в научный обиход два первоклассных эпиграфических памятника, не говоря уже о второстепенных: мы имеем в виду Диофантову надпись и надпись в честь Аристона. Не надо забывать, что акад. В. Латышев на основании последней написал превосходное исследование, напечатанное в журнале Мин. Народного Просвещения за 1884 г. (июнь), не потерявшее значения до сих пор. Это его работа: „Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического“.

Таким образом, мы можем сказать, что вчерне византийский Херсонес был открыт. Оставалось углубить открытие, путем широких разведок познакомиться с подробностями его исторической топографии, с его историей, культурой, его бытом. Но для широкой постановки археологической работы были необходимы большие и без перебоев ассигновавшиеся средства. Этими средствами обладала только Археологическая Комиссия, основанная в 1859 году со специальной целью взять в руки и надлежащим образом организовать археологическое дело в тогдашней России.

С 1888 года раскопки в Херсонесе перешли к Археологической Комиссии, которая непрерывно вела их вплоть до войны 1914 года.

III период — РАСКОПКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

а) Деятельность К. К. Косцюшко-Валюжинича (1888—1907).

По рекомендации вице-президента Одесского Общества проф. В. Юргевича, производителем работ по раскопкам Херсонеса был назначен Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич. Так как с именем Косцюшко связаны самые интересные работы в Херсонесе и так как этот человек с героическим фанатизмом занимался ими до самой смерти, то не лишне будет немного остановиться на его биографии.

К. К. Косцюшко-Валюжинич родился в 1847 году. Образование получил в Горном корпусе, которого, однако, не кончил. Затем служил то конторщиком, то счетоводом на железных дорогах, а в последние годы перед поступлением на службу в Археологическую Комиссию был на выборной должности товарища директора севастопольского Городского Банка. С 1881 года Косцюшко принял деятельное участие в организации севастопольского Кружка Любителей истории и археологии, являясь

одним из членов-организаторов.¹⁾ Кроме того, он занялся изучением истории Крыма, собрав довольно большую и хорошо подобранную библиотеку по этой специальности.

Таким образом, инженер по образованию, начитанный в области крымской археологии, Косцюшко-Валюжинич более других подходил к занятию места производителя раскопок Херсонеса. Но наибольшим залогом успеха была его ни с чем не сравнимая энтузиастическая любовь к Херсонесу, граничащая с фанатизмом. В этом отношении его можно сравнить с великим энтузиастом Шлиманом.

С 1888 года раскопки Херсонеса, по высочайшему повелению, были переданы Археологической Комиссии. Но, однако, Херсонесский монастырь не мог забыть того, что еще так недавно он был полным господином всего городища. Археологическая Комиссия решила вверить все раскопки единоличному распоряжению К. Косцюшко-Валюжинича. Конечно, быть может, в интересах добрососедских отношений со стороны Комиссии, надо было бы создать, хотя бы на первое время, раскопчный комитет, пригласив в него представителя монастыря. Это избавило бы Косцюшко от той травли его монахами, которая красной линией проходит через все 19 лет его археологической деятельности.

Археологическая Комиссия сразу же увеличила вдвое ежегодное ассигнование на раскопки Херсонеса (2.000 руб.) и предписала Косцюшко постоянно производить раскопки, насколько позволяет погода. Уже в первый год работы увенчались крупным успехом: была найдена мастерская гончара-художника с моделями его художественных изделий.²⁾

В первый год работы велись под верховным руководством проф. Н. П. Кондакова и под наблюдением члена Од. О-ва А. Л. Бертье-Делагарда. Работы производились из года в год в разных частях городища, при чем одновременно раскапывался также и могильник. Если мы посмотрим помещенный в конце нашего очерка календарь раскопок Косцюшко, то мы поразимся, прежде всего, разнообразием мест раскопок. Археолог одновременно копал сразу в нескольких местах городища, производя в то же самое время раскопку и некрополя.

Календарь раскопок дает детали произведенной большой работы по вскрыванию древней почвы и в то же время показывает, что у руководителей не было заранее выработанного раскопчного производственного плана. В этом отношении крайне любопытно привести переписку между Археологической Комиссией, прив.-доц. Д. В. Айналовым и К. Косцюшко.³⁾ Д. Айналов в письме на имя Археологической Комиссии пишет, что он „хочет присмотреться к раскопкам, производимым в Херсонесе, и представляет следующие соображения по поводу имеющих быть в будущем раскопок“ (письмо помечено 1892 г.): „Раскопки,—пишет Айналов,—

¹⁾ В Одесском окрархиве хранится заявление, подписанное, в числе прочих, и Косцюшко-Валюжиничем.

²⁾ Опубликованы В. Мальмбергом в „Мат. по арх. России“ № 7.

³⁾ Архив Херс. музея, дело № 38.

в настоящее время производятся без определенного плана. Руководителями являются в данном случае заметные на поверхности земли следы хорошей кладки стен, полукруги абсиды и проч. Соображаясь же с топографией города, можно избрать более правильный путь к обнаружению города. Самое первое и главное, что затрудняет дальнейшие раскопы, это — остающаяся земля и камни, которые в некоторых местах, еще со времени работ Одесского Археологического Общества, заново погребли некоторые части города. И теперь, в виду трудностей, представляемых вывозом земли и камней, следует начать раскопки не внутри города, а на берегу, начиная от западной стены по всему западному берегу. Этим сохранятся многие памятники и постройки от постоянных обвалов и разграблений, так как весь этот берег представляет обнаружившиеся от обвалов помещения и могилы, привлекающие грабителей. Можно назначить на этом берегу три пункта для работ: все они представляют спуски к морю, ведущие во внутрь города, ныне заваленные, но при раскопках они должны обнаружить улицы, наподобие уже существующей, и так как город был коммерческий, то весьма естественно, что морские пристани были соединены с главными торгами, которых было два (по известиям): один в восточной части, в участке Феоны (здесь же и спуск), другой главный торг — в центре города, и на него приходится два остальных спуска. Таким образом, раскопы будут двигаться по направлению к центру города, свозя землю по расчищенным уже местам, и, быть может, таким путем удастся привлечь к делу и известие о пути, по которому шел св. Кирилл через Херсонес с мощами св. Климента. Четвертый пункт должен быть назначен со стороны Карантинной бухты у найденных каменных устоев от ворот. Обходя вокруг стен города, которые весьма сильно обваливаются, на западной стороне, фасадом к открытой равнине (близ часовой будки крепости) полуразрушенным сохранилось замечательное сооружение — ворота с двумя форпостами полукруглой формы, по системе кладки представляющей перемежающиеся ряды прямых кирпичей с правильно тесаными большими камнями (как и в военных воротах города Никеи). К этому сооружению примыкают постройки. В некоторых местах стены видны водопроводные трубы из красной обожженной глины. Здание церкви (круглой) в восточной части города и указанные сооружения должны считаться древнейшими зданиями из находящихся в Херсонесе, и здесь, в этом также крайнем пункте, должно назначить пятый пункт разведок.

„В виду того обстоятельства, что этот пункт доступен для туристов, то путем соглашения с начальством крепости можно достигнуть дозволения копать в данном месте.“

„Все остальные стены города Херсонеса представляют такие особенности, что вряд ли возникли в очень раннюю эпоху. В некоторых из них я вынул из порога и середины стены две греческих надписи, и эти стены сравнительно древнее (V—VI века по р. X.). Другие в цементе заключают обломки поливной посуды так называемого половецкого и казарского периода: они позднее“.

Не комментируя это интересное по своим указаниям письмо Д. В., позволим себе привести отрывки, для нас наиболее ценные, обстоятельного ответа на это письмо со стороны К. К. Косцюшко-Валюжинича: 1)

„Напрасно Д. Айналов полагает,—пишет в Археологическую Комиссию Косцюшко,— что раскопки велись и ведутся без определенного плана. Первые два года я исключительно преследовал одну мысль: собрать возможно больше интересных находок, опасаясь, что Археологическая Комиссия признает неудобным тратить ежегодно значительную сумму, если раскопки не оправдают ее ожиданий, и я продолжаю думать, что дальнейшее расследование Херсонесского городища было бы приостановлено, не найдись: в 1888 году—мастерская с моделями для терракотовых фигур и в 1889 г.—большой храм с остатками мозаичного пола. Вот почему я, действительно, выбирал в это время более заметные пункты: остатки стен на извести, полукруги абсид. Если бы я, ради тех удобств, о которых говорит Д. В. Айналов, упуская из виду или не зная, что сбрасывание земли в море воспрещено еще в 1888 г.,—производил раскопки исключительно на берегу, начиная с западной стены, то, затратив те же суммы, не нашел бы ничего особенно интересного, что вполне подтверждает основательная береговая раскопка 1891 года от начала Уваровской базилики к востоку, до часовни № 10, во время которой открыты одни цистерны и стенки нижнего города.

„Позволю себе спросить: были ли бы открыты те ценные эпиграфические находки, между которыми первое место занимает „гражданская присяга Херсонеса“,—если бы не была произведена раскопка площади в центре города, и может ли поручиться Д. Айналов, что в то время, когда по прошествии, быть может, 10 лет, раскопки, производимые по его плану, дошли бы, наконец, до площади, где находится освященный в октябре 1891 г. храм и где в это же время посажены деревья,—монастырское начальство разрешило бы перекопку этой местности? А, между тем, именно здесь и открыты самые ценные памятники...

„Говоря о спусках к морю, Д. Айналов за один из них принимает полуразрушенную водою цистерну, раскопанную в 1891 году, повторяя, впрочем, ошибку, в которую впадали многие ученые, начиная от Дюбуаде-Монпере. Большому и единственному на северном берегу спуску, хотя и выходящему к открытому морю, т.е. к такому месту, где, полагаю, не мог быть коммерческий порт,—я придаю должное значение и ежегодно производжу здесь раскопку, при чем, каюсь, не мечтал об открытии пути, по которому следовал св. Кирилл, но исключительно преследовал цель: собрать в глубоком культурном наслоении берега возможно больше амфорных ручек с надписями, черепков тонкой расписной посуды и обломков терракотовых фигур,—как лучшие доказательства глубокой древности той местности, на поверхности которой мы видим теперь развалины византийского Херсонеса... Полагаю, что б. член Археологической Комиссии проф. Н. П. Кондаков, как главный

1) Архив Херс. музея, дело № 38.

руководитель херсонесских раскопок в течение первых 3 лет, т.е. в то время, о котором только и может говорить Д. В. Айналов, посетивший Крым в 1890 году,—не одобрил и не разрешил бы работ, которые велись бы мною без всякого, заранее обдуманного, плана...”

Это письмо К. К. ценно для нас, так как вводит в круг понятий и взаимоотношений этой эпохи.

Теперь постараемся кратко, почти схематически, перечислить главнейшие достижения девятнадцатилетней работы Косцюшко.

Прежде чем перейти к ознакомлению с результатами раскопок Косцюшко, нам будет интересно узнать, каковы были денежные ассигнования и юридическое положение самого производителя работ. В то время, как директор Керченского музея с 1859 года, т.е. с момента основания Археологич. Комиссии считался ее членом, не то было в Херсонесе: долгое время, вплоть до 1895 года, Косцюшко был производителем работ, сначала бесплатно, а потом получая очень скромное вознаграждение из тех же раскопочных сумм. Только с 1895 года он был назначен членом Комиссии. Денежные ассигнования на раскопки, первоначально в размере 2.000 руб., были удвоены, а затем утроены, и, наконец, после 1902 года были увеличены в 5 раз. Таким образом, ежегодно ассигновавшаяся сумма в 10.000 руб. позволила вести работу в больших размерах.

В первый год раскопок работы производились в восточной части Херсонесского городища, как бы по традиции, перешедшей от работ Одесского Общества Истории и Древностей, а именно, вблизи Восточной базилики (на экск. плане № 9), где и была обнаружена мастерская гончара, затем было произведено углубление почвы до скалы в некоторых частях Уваровской базилики, на соборной площади и около Западной базилики (на плане №№ 13 и 17). В результате еще раз убедились, что под византийским Херсонесом сохранились остатки античного.¹⁾

В 1889 году раскопки были переброшены на запад, где под слоем мусора была открыта „базилика в базилике“. Оказалось, что прекрасный большой храм VI—VII вв. с чудным мозаичным полом был в X веке разрушен, и на его развалинах была выстроена жалкая небольшая базилика (на плане № 16). Рядом с базиликой было раскопано множество жилых построек и еще одна базилика. В 1890 году раскопки производились на соборной площади по случаю постройки собора. Продолжалось исследование базилики в базилике (№ 16), а затем—в северной части городища, возле берегового кладбища, где были обнаружены византийские кварталы. В этом году Косцюшко, кроме того, впервые приступил к раскопке древнего кладбища возле военных флигелей. Открыто 24 могилы римской эпохи. Работы, далее, были вынесены за пределы Херсонеса, и были раскопаны развалины на островке в Казачьей бухте

¹⁾ Результаты раскопок ежегодно печатались в Отчетах Арх. Ком., а с 1901 г.— и в Известиях АК.

и обнаружена линия обороны на перешейке с остатками 17 башен (следы так называемого „Страбонова Херсонеса“, впоследствии раскопанного Р. Х. Лепером и в 1910—11 гг. Н. М. Печенкиным на собственные средства).

В следующем, 1891 году Косцюшко произвел раскопки в 10 местах городища; в центральной части была найдена часть знаменитой присяги древнего Херсонеса и ряд декретов на мраморных плитах. Работы производились и в других частях городища.

В 1892 году произведены раскопки в западной части Херсонеса, где, кроме часовен, нашли кладбище римской эпохи. Доследована базилика с мозаичным полом, растащенным посетителями. Эта базилика впервые была открыта Одесским О-вом в 1877 году.¹⁾ Возле южных стен раскапывался древний могильник, открыто 245 гробниц.

Раскопки 1893 года были направлены на юго-восточную оконечность городища, там, где был устроен склад древностей. Были обнаружены оборонительная стена и колодец, а в нем интересные мелкие находки. На северном берегу обнаружены большая трехапсидная базилика с 14 гробницами, а рядом—римские бани (?). В западной части городища обнаружены древний водопровод и линия оборонительной стены. Там же раскапывался могильник.

В следующем, 1894 году была обнаружена оборонительная стена в юго-восточной части городища. В южной части Херсонеса раскапывался могильник.

В 1895 году обращено внимание на линию обороны Херсонеса. Прослежена стена на юго-восточном, южном и северо-восточном участках городища. В северо-западном углу найдена часть стены с выходной калиткой. Там же раскапывался могильник.

Следующий год Косцюшко производил раскопку также в разных частях, а именно: возле старого музея, где он обнаружил улицу с жилыми домами, вблизи собора, где также обнаружены кварталы византийского Херсонеса. Раскапывался и могильник возле Карантинной бухты. Вне Херсонеса Косцюшко раскопал древний храм на мысе Фиолент, в связи с легендами об Ифигении: найдена византийская часовня. В 1897 году открыт „храм с ковчегом“ под престолом с частицами древних мощей (на плане под № 15). С 1897 по 1901 г. систематически раскапывалась линия оборонительной стены на южном участке Херсонеса от музейных ворот до башни Зенона и далее, до старого музея.

Вблизи музея обнаружены великолепные римские бани в 1898 г., а в стене найден знаменитый подстенный склеп, быть может, „строителя стен“ Агасикла? со множеством первоклассной работы драгоценностей (они изданы Херс. музеем в 1926 г. в I вып. „Херс. Сборника“).

В 1901 году Косцюшко раскопал большую базилику возле крайнего северо-западного угла городища.

¹⁾ Находится рядом с Уваровской, обозначенной на плане под № 10, к западу от нее.

Раскопки 1902 года обогатили науку изумительным памятником VI века: был открыт загородный кладбищенский храм с превосходно сохранившейся мозаикой. Раскапывался также некрополь поздне-римского времени.

В 1904 году продолжалось вскрытие почвы на монастырской усадьбе. Открыт так называемый „монетный дом“—здание эллинистического времени (на плане под № 14).

Раскопки 1905 года открыли башню (на плане № 2) с продолжением оборонительной стены в сторону бухты. Кроме того, раскапывался древний могильник у Карантинной бухты. Открыта 501 могила.

Следующий, 1907 год,—год смерти Косцюшко, благодаря чему до сих пор мы не имеем полного отчета о его работах. Судя по переписке покойного, им был открыт в южной части городища большой храм базиличной формы, по величине напоминающий Уваровскую базилику. Кроме того, была вскрыта внутренняя часть оборонительной стены между башней с калиткой и башней Зенона (на плане между №№ 1 и 2). Здесь была обнаружена небольшая часовня базиличной формы, пристроенная вплотную к оборонительной стене. Вспоминая сказание св. Кирилла о переносе праха папы Климента, можно отождествить эту найденную базилику с церковью св. Лаврентия или Леонтия, „что на забрале“. Большая базилика, обнаруженная Косцюшко на южном участке Херсонеса, частично была доследована автором этих строк в 1926 году. Далее, есть указания на то, что уже во время болезни Косцюшко раскопки у западной стены обнаружили главную линию обороны, что было заветным желанием Косцюшко. В декабре 1907 года, не успев привести в порядок отчеты о раскопках 1906 и 1907 годов, К. К. скончался от простуды, перешедшей в воспаление легких.

16 декабря он был погребен в земле Херсонеса, которому отдал девятнадцать лет своей жизни, сопровождаемый большой толпой своих друзей и почитателей. Покойный, силами которого был воскрешен из праха древний Херсонес, завоевал симпатии всех окружающих. Характерной записью в книгу посетителей Херсонесского музея является следующая: „16 декабря посетил музей древностей в день погребения заведующего г-на Косцюшко. Рабочий-каменщик Антон Калашников. Мир праху твоему, дорогой труженик на пользу науки“.

В Херсонесе все так полно было результатами самоотверженной работы неутомимого и трудолюбивого Косцюшко, что его смерть не могла не отразиться на интенсивности и успешности дальнейших раскопок Херсонеса.

Рядом с К. Косцюшко следует упомянуть и другого труженика на той же ниве—чертежника М. И. Скубетова, который, живя одиноко, все свои средства употреблял на покупку книг о Херсонесе. Этот своеобразный отшельник, сильно привязавшийся к Херсонесу, трагически погиб в 1918 году.

Во время своего девятнадцатилетнего заведывания раскопками Косцюшко-Валюжиничу приходилось не раз отбиваться от монахов, которые,

по примеру прошлых лет, желали взять на себя ведение раскопок. Идя по этому пути, монахи не брезгали ничем: они всячески чернили Косцюшко, делая на него доносы в Петербург обер-прокурору синода, который эти доносы препровождал министру двора... Косцюшко обвиняли в том, что он, как лицо „инославного вероисповедания“, враждебен православному монастырю, что он совершает систематические святотатства, выбрасывая кости из могил, за что его, дескать, надо на десять лет отлучить от св. причастия... Характерен для Косцюшко его ответ председателю Археологической Комиссии гр. Бобринскому на требование представить объяснение по поводу подобного доноса монастыря. Вот его слова: „Обвинение меня в „явно недружелюбном“ отношении, вследствие моего „инославного“ вероисповедания не только неосновательно, но и недостойно духовного начальства... А потому, убежденный, что ваше сиятельство верите моим словам, я покорнейше прошу вас защитить меня от такого серьезного обвинения. *Я так предан делу расследования Херсонеса и, как фанатик, так далеко зашел, что возврата нет! Для меня расстаться с Херсонесом — все равно, что расстаться с жизнью*“.¹⁾

Кроме того, он испытывал постоянные страдания от увоза на север, главным образом, в Эрмитаж, всех найденных им его детищ. Его заветной мечтой было открытие Херсонесского музея и концентрация на месте, в Херсонесе, всех его находок. К сожалению, на это в Петербурге смотрели иначе: для примера приведем выдержку из письма товарища председателя Археологической Комиссии известного востоковеда В. Тизенгаузена.²⁾

„Имейте постоянно в виду, пишет Тизенгаузен, что нынешняя коллекция в вашем складе имеет значение временное. Археологическая Комиссия по уставу своему не устраивает музеев... Ведь, большая часть ваших посетителей — люди, ни аза не смыслящие в археологии, и, как бы велико ни было количество ваших посетителей (вероятно, в большинстве богомольцев), проку от этого для археологии никакого не будет, даже если вы измените вывеску...“

Внизу текста этого письма рукою Косцюшко-Валюжинича приписано: „Взгляд кабинетного ученого, ни разу не побывавшего в Херсонесе, который он, поэтому, приравнивает к тем городищам, где, действительно, нет смысла устраивать музеи. В Херсонесе раскопки продлятся еще целое столетие, неужели же все находимые древности будут постоянно перевозиться в Петербург и Москву? Я уверен, что вопрос о местном музее есть только вопрос времени...“, в конце же стоит приписка: „для будущего историка херсонесских раскопок“.

Вопрос о создании на месте музея, особенно после блестящих открытий в конце XIX века, был почти близок к осуществлению. Уже предполагалось ассигнование 40.000 руб. на постройку здания, в архиве

¹⁾ Архив Херс. музея, дело № 39 — письмо Косцюшко от 9 июля 1896 г.

²⁾ Архив Херс. муз., дело № 39, от 14/VII — 1895 г.

музея имеется проект, но... сокращение бюджета по случаю японской войны опрокинуло все сметные предположения...¹⁾

В 1902 году вновь назначенный таврический епископ Николай в беседе с Косцюшко-Валюжиничем сам высказал пожелание устроить в большом соборе музей христианских древностей Херсонеса. Как известно, в 1927 году это выполнено целиком, и не только один нижний этаж отведен под музей, но в виду того, что он очень темен, а памятников огромное количество, под музей отведена также и верхняя церковь. Об этой беседе с еп. Николаем К. Косцюшко написал гр. А. Бобринскому следующее:

„Наш новый епископ Николай (бывший Алеутский),—пишет К. Косцюшко,—обозревая склад древностей, в книге для посетителей выразил сожаление о том, что при монастыре до сих пор не имеется отделения музея для церковных вещей и, как на подходящее помещение, *указал на нижний храм*. При этом епископ обещал все не церковные древности из монастырского музея передать в наш.

„Видя в осуществлении этого проекта единственный выход из того неприятного положения по отношению к монастырю, в котором мы находимся в продолжение 11 лет, я передал епископу, что вы, ваше сиятельство, несомненно, разрешите не только устройство при чудном

¹⁾ Поскольку Косцюшко, благодаря его блестящим открытиям, получил признание от ряда археологов, хотя, как это видно из письма Уваровой к Николаю II (см. дальше), принципы его раскопок встречали возражения, постольку его работа по организации Херсонесского музея встретила суровую отповедь со стороны проф. А. Спицына и проф. Н. Веселовского. Приводим письмо последнего:

„В Императорскую Археологическую Комиссию.
(Дело № 41 из Архива Херс. музея).

„Посетив 17 августа сего 1904 г. Херсонес, я имел возможность убедиться еще раз, с каким усердием относится к делу раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинич. Как план его работ заслуживает одобрения, так и способ ведения раскопок должен быть признан правильным, уже оправдавшимся рядом блестящих открытий.

„К сожалению, совсем иное впечатление производит состояние древностей, хранящихся в складе. Я считаю обязанностью службы остановиться подробно на этом обстоятельстве, тем более, что Императорская Археологическая Комиссия в последнее время озабочена устройством музея в Херсонесе. Но какой же может быть музей при том способе хранения вещей, какой существует в настоящее время в складе? Ничего подобного нет нигде и быть не может. Я не буду касаться самой системы распределения древностей, так как всякая система, преследует ли она группировку предметов по их однородности, или по погребениям, или по периодам и культурам, имеет и свои достоинства, и свои недостатки. Я буду говорить только о том ущемлении, которое было сделано с самого начала раскопок в Херсонесе и которое продолжается и по настоящее время, т.-е. в течение более 15 лет. Предметы не зарегистрированы, не имеют нумерации, вообще лишены ярлыков, по которым можно было бы узнать происхождение той или другой вещи и подробности, сопровождавшие находку.

„Частное лицо может держать у себя на полках древние предметы без номеров, это — его личное дело; но правительственный музей обязан соблюдать общепризнанные и необходимые требования. Здесь недопустимы никакие отступления и личный произвол. Ни заведующий музеем, ни Археологическая Комиссия не вправе нарушать основного требования, как хранить предметы в музее. Археологическая Комиссия является ответственной за это ущемление и перед государством, и перед всем ученым миром. Ей будет

херсонесском храме такого музея, но даже и дальнейшее его ежегодное пополнение, но только с тем условием, чтобы он считался отделением главного склада и чтобы все древности его числились по инвентарю последнего...¹⁾

Общая характеристика положения раскопок времени К. Косцюшко хорошо выявляется двумя нижеприводимыми документами. В архиве Херсонесского музея сохранилась чрезвычайно интересная переписка-полемика между Археологической Комиссией и претендовавшим на Херсонес Московским Археологическим Обществом, во главе которого стояла известная гр. П. С. Уварова, организатор археологических съездов. Около 1888 г. шел большой спор о том, кому достанется право расследования Херсонеса—Москве или Петербургу в лице Археологической Комиссии? По высочайшему повелению, это право было передано Петербургу. Но Уварова в течение долгого времени не могла с этим примириться, и вышеприведенные выдержки из письма Д. В. Айналова являются также косвенным отзвуком этого спора, так как Д. Айналов, как это видно по архивным данным, посетил Херсонес не без участия гр. П. Уваровой.

поставлено в упрек нынешнее состояние древностей в херсонесском складе, и она должна освободиться от этого упрека, как можно скорее.

„Без описи и ярлыков нет никакой возможности следить за сохранностью музея. Как узнать, что все цело в музее; а если случится покража, то как узнать, что именно похищено? В случае же приема музея другим лицом, оно очутится прямо в безвыходном положении. Отсюда ясно, что каждая вещь непременно должна быть снабжена номером, по которому можно отыскать ее в журнале раскопок и в описи.

„Г. Косцюшко-Валожинич в беседе со мной на эту тему выразил полную готовность исправить существующий недостаток, но я боюсь, чтобы дело не ограничилось одними словами, и потому обращаюсь к Археологической Комиссии с предложением обратить особенное внимание на состояние предметов в складе древностей Херсонеса.

„По моему мнению, необходимо теперь же приступить к регистрации вещей, не останавливаясь даже перед расходами, которые понадобятся бы для этой цели. Каждая вещь должна быть снабжена ярлыком, на котором следует обозначить год и номер по журналу. Исключение можно сделать для грузил, рыболовных крючков и т. п. предметов; но все-таки и там на щитах надо обозначить место находки (город или могилка); а на будущее время и эти предметы должны снабжаться ярлыками.

„Чтобы дело не ограничилось только бумажною перепискою, я предлагаю свой труд и наблюдение за исполнением этого необходимого дела.

Н. Веселовский.

22 сентября 1904 года“.

Совершенно такого же содержания имеется в архиве донесение А. А. Спицына о результатах осмотра Херсонесского музея.

Эти письма являются важным документом: уже Р. Лепер не мог определить предметов из раскопок Косцюшко и на ярлыках вещей ставил только литеру „К“. Разумеется, ценность этих предметов для археологии сильно умалена... Сейчас мы почти бессильны помочь этой беде. Косцюшко не успел исправить этого недостатка, даже почти не сознавая важности заявления Н. Веселовского и А. Спицына. Также не выполненным остался другой задуманный им труд: „Иллюстрированный каталог Херсонесского музея“. Смерть сразила археолога на подорожье, и тревога, чувствуемая в вышеприведенном письме Н. Веселовского, оказалась, к сожалению, пророческой...

Впервые краткий каталог музея был составлен и напечатан в 1926 году.

¹⁾ Архив Херс. муз. Дело № 40.

Но наиболее характерным моментом в этом споре является письмо П. Уваровой лично к Николаю II сейчас же после его посещения в 1902 году Херсонеса. Приводим полностью этот исторический документ, проливающий свет на многие стороны тогдашнего Херсонеса, и, что всего замечательнее, большинство ее пожеланий могли быть выполнены только четверть века спустя и совсем в иной обстановке... После письма П. Уваровой мы приводим также ответ председателя Археологической Комиссии, дающий объяснение многих фактов грустной действительности Херсонеса. Оба письма так ярки и столь характерны, что, как увидит читатель, не нуждаются в комментариях...

Письмо гр. П. С. Уваровой к Николаю II по поводу Херсонеса. ¹⁾

„Прошу всеподданнейше извинения, что позволяю себе беспокоить ваше величество сим письмом, но выражаю надежду, что вам благоудно будет милостиво к нему отнестись в виду недавних осмотров вашим величеством Херсонеса и всемилостивейшего повеления производителю работ Косцюшко-Валюжиничу подать вашему императорскому величеству записку о нуждах многострадального Херсонеса.

„Вашему императорскому величеству известно, что более правильные раскопки нашей русской Помпеи были предприняты вследствие ходатайства императорского Московского Археологического Общества, ²⁾ но так как заботы о ведении этих раскопок были возложены высочайшею волею на императорскую Археологическую Комиссию, то императорское Московское Археологическое Общество осталось в стороне от производимых исследований и, по возможности, избегало даже частое посещение Херсонеса; но узнав, что ваше императорское величество направляется на юг, и предполагая, что вам угодно будет воочию проверить то, что делается в этом, в высшей степени важном для русской истории пункте, я поспешила приехать в Херсонес дня через два после приезда вашего величества и, на основании проведенных там дней, позволяю занять внимание вашего величества нуждами Херсонеса, так как уверена, что предложения Косцюшко-Валюжинича, по независящим от него причинам, будут состоять из паллиативных мер, которые не в состоянии будут повлиять на сохранение Херсонеса и только на весьма короткое время отодвинут окончательное его разграбление и уничтожение.

„Главное несчастье Херсонеса, это—существование на его развалинах монастыря, состоящего, по обыкновению, из подбора грубых, неграмотных, ничего не делающих и ни к чему не пригодных людей. По высочайшему повелению, монастырь этот был обречен на постепенное и правильное вымирание, так как ему запрещалось без разрешения Археологической Комиссии возводить какие-либо постройки, но Археологическая Комиссия отнеслась к этому делу с обычным ей равнодушием, и ваше императорское величество могли убедиться при обзоре Херсонеса, насколько монастырь распространился и раздвинул свои

¹⁾ Архив Херс. музея. Дело № 40.

²⁾ Вероятно, намек на предложения Д. В. Айдалова.

владения: возведено несколько жилых построек, вторая церковь, совершенно ненужная, так как и главный храм, большую часть, пустует, гостиница, ненужная по близости Севастополя, и монастырская стена, окружающая не самый монастырь — так как все его здания находятся вне стены, — а огромный пустырь, заключающий „акрополь“ древнего Херсонеса, — что совершенно уничтожает возможность дальнейших исследований и работ. Таким образом, благодаря монастырю, расположенному среди древнего города и имеющему многочисленную братию, бродящую по всем развалинам, позволяющую себе по праздности и корыстолюбию производить тайные раскопки и расхищать находки Косцюшко-Валюжинича, — совершенно невозможно производить систематические раскопки, сохранять и восстанавливать находимые памятники, как то делается в более просвещенных государствах, и принимать меры к ограждению древнего города от расхищений как монашествующей братией, так и вообще непросвещенными посетителями.

„Для того, чтобы Россия могла гордиться своей Помпеей, необходимо поспешить спасти то, что еще осталось, и принять серьезные меры к охранению всего находимого, но цель эта может быть достигнута только при следующих условиях:

- „а) раскассирование монастырской братии по соседним монастырям;
- „б) передача служения при главном храме белому духовенству;
- „в) слияние монастырского музея с главным музеем;
- „г) отдача главного жилого монастырского помещения под Херсонесский музей, чем избегается расход в 40.000 руб., испрашиваемый на постройку музея;
- „д) уничтожение всех остальных зданий монастыря и в особенности гостиницы, стоящей над древней стеной города, что препятствует дальнейшей ее расчистке;
- „е) снесение монастырских стен;
- „ж) передача всей земли в черте древнего города и вне его стен в полное распоряжение того учреждения, которому будет поручено заведывание раскопками;
- „з) обязательство для этого учреждения не оставлять, как это делается до сих пор, Косцюшко-Валюжинича без помощи, совета и содействия и ведение раскопок в более систематическом порядке, чем ныне;
- „и) обязательство, по возможности, восстанавливать находимые памятники так, чтобы они давали более ясное понятие о том, что эти находки представляли в древности, и, таким образом, служили бы к развитию среди посетителей понимания и любви к родной старине;
- „к) возведение вокруг всего разрабатываемого пространства стены, которая ограждала бы раскопки от непрошеных посетителей;
- „л) устройство в некоторых пунктах сторожек с содержанием при них смотрителей, ответственных за сохранность памятников и обязанных сопутствовать посетителям и не пропускать в ограду никого без присмотра и
- „м) приведение музея в порядок и составление описания его предметов.

„Всеподданнейше просила бы также ваше императорское величество, — продолжает гр. П. Уварова, — *обратить внимание военного ведомства на нежелательность продолжения работ на восточной стороне Херсонеса, где рядом с существующим музеем выстроен уже каземат для локомотива с проводниками, возведена огромная насыпь над ним и предпринимаются какие-то новые работы.* Необходимо для цельности впечатления, производимого древним городом, и для его сохранности, чтобы все принадлежности и работы Военного Министерства были сосредоточены на западе Херсонеса, в той его части, которая отведена под батареи.

„Повергая перед вашим императорским величеством сии соображения касательно Херсонеса, осмеливаюсь высказать мнение, что *разрушение древнего Херсонеса дошло до таких крайних пределов, что спасти его можно только крайними и решительными мерами, иначе весьма близко время, когда от него ничего не останется, как не осталось почти ни камня от трех базилик и крещальни, открытых покойным мужем,* по повелению императора Николая I, как не осталось ничего и от тех гробниц-катакомб, разукрашенных фресками, которые в разное время были вскрыты вокруг города и обследованием которых занимался с мужем великий князь Сергей Александрович.

„Повелите, государь, и спасите для чести и славы России древний Херсонес, которым могла бы Россия гордиться и пользоваться для образования народа, как гордится и пользуется Помпеей Италия, государство во сто раз меньше и беднее нашего обширного отечества. Повелите, государь, и, простив мне мое откровенное заявление, порадуйте новою милостию и вниманием к родной старине всею душою и сердцем преданную вашему императорскому величеству верноподданную графиню Уварову.

Константинополь, 6 октября 1902 г.“

В ответ на это письмо гр. П. Уваровой председатель Археологической Комиссии гр. А. Бобринский пишет: ¹⁾

„...Графиня Уварова боится, что предложение заведующего раскопками Комиссии в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича, которому, по словам графини, государю императору срочно было приказано подать его величеству записку о нуждах Херсонеса, — ограничится, „по независящим от него причинам“, указанием таких мер, которые не в состоянии будут повлиять на сохранение Херсонеса. Что именно г. Косцюшко изложит в своей записке, мне еще не известно, но, хорошо зная лично этого почтенного сотрудника Археологической Комиссии и высоко ценя его горячую преданность к Херсонесу и честное отношение к возложенному на него делу, я очень сомневаюсь в том, что он постесняется откровенно высказать то, что, по его мнению, может оказать пользу его научным раскопкам. „Независящие же причины“, на которые намекает графиня; не способны, насколько я могу понять,

¹⁾ Архив Херс. музея. Дело № 49—1902 г. (письмо на имя министра импер. двора).

в чем дело, смутить такого правдивого человека, каковым я знаю г. Косцюшко.

„Графиня права, указывая на то, что монастырские постройки на развалинах Херсонеса являются помехой для раскопок, но это вопрос не новый. О затруднениях, встречаемых Комиссией со стороны монастыря, я имел честь неоднократно сообщать вашему высокопревосходительству, имел также счастье докладывать об этом императору Александру III и ныне благополучно царствующему государю императору. Высочайшее повеление, о котором пишет графиня, обрекавшее монастырь на вымирание, мне не знакомо и, кажется, составляет одну из неточностей ее письма. Нужны ли монастырю вторая церковь и гостиница,—не берусь судить. Что же касается монастырской стены, то я вполне согласен с графиней Уваровой в том, что эта стена является совершенно излишней. Обвинение монахов в расхищении находок г. Косцюшко—требует подтверждения, но, со своей стороны, могу засвидетельствовать, что монахи, не стесняясь, производят раскопки на своей земле и продают посетителям найденные вещи и монеты. Это, конечно, большое зло, которому надо положить конец. Нет сомнения, что, с упразднением Херсонесского монастыря, откроется широкое поле для раскопок Комиссии и именно в центре древнего Херсонеса, в том месте, где сделаны были, до постройки монастырской стены, самые интересные находки надписей и иных памятников. Но возможно ли раскассировать монастырь и передать в нем служение белому духовенству, это—вопрос, зависящий от многих соображений и требующий весьма тщательного обсуждения, между прочим, и с точки зрения религиозных интересов православного народа. Слить монастырский музей с музеем Археологической Комиссии, совершенно уничтожить монастырский музей и вменить монахам в обязанность все находимые древности доставлять г. Косцюшко,—по моему мнению, весьма желательно, хотя при этом придется считаться с сильным противодействием местного епископа и, быть может, синода, но кем именно испрашивается 40.000 рублей на постройку музея и о каком новом музее говорит графиня Уварова,—я не знаю. Предоставление Археологической Комиссии права производить беспрепятственно раскопки внутри монастырской ограды, а если эта ограда будет снята, то вообще по всему городищу,—весьма желательно. Обвинение Археологической Комиссии в том, что она будто бы „оставляет до сих пор г. Косцюшко без помощи, совета и содействия, является одной из тех нападок, которые составляют вообще отличительную черту отношения графини Уваровой к Археологической Комиссии. Обвинение это можно объяснить еще и тем, что графиня, по ее же признанию, избегала посещения Херсонеса и поэтому совершенно не знакома с тем, что там происходит. Раскопки в Херсонесе с самого их начала всегда находились под очень близким надзором Археологической Комиссии. Лица, принадлежащие к ее составу, часто посещают Крым, а, с другой стороны, К. К. Косцюшко нередко вызывается в Петербург в Комиссию. Я вынужден также отдельно упомянуть и о себе, так как

обвинение графини касается и меня лично. Считаю долгом доложить, что я посещаю Херсонес, по меньшей мере, каждые 2 года. Я постоянно слежу за раскопками и сам участвовал в них. Первые раскопки в Херсонесе начаты были по моим личным указаниям, и по настоящее время я руковожу этим делом, насколько признаю нужным. *План раскопок вырабатывается г. Косцюшко сообща с Комиссией.* Однако, при долголетней опытности г. Косцюшко, знающего это дело лучше, чем кто-либо иной, Археологическая Комиссия и ее председатель стараются, по возможности, не мешать этому самоотверженному труженнику работать по своему усмотрению. Дело им ведется отлично. От добра добра не ищут. Лично я считаю, что если это дело будет продолжаться и впредь так же добросовестно, как оно исполняется ныне, то нельзя будет желать ничего лучшего.

„Желание же, высказанное графиней Уваровой государю императору, чтобы раскопки велись в более систематическом порядке, чем ныне, является только отголоском зависти к чужому успеху, так как если и можно в чем-либо упрекнуть г. Косцюшко, то, во всяком случае, не в отсутствии порядка. Графиня желает, чтобы были восстановлены на месте древние памятники. Дело это трудное и не всегда выполнимое. Восстанавливать вообще памятники старины возможно, не легко только оберечь восстановителя от фантазии. Что возможно в Помпеях, где памятники засыпаны пеплом и сохранились в целости, то не так просто в Херсонесе, где в большинстве случаев остались от древних зданий лишь незначительные фундаменты. Устройство стены вокруг всей площади раскопок, в защиту от посетителей—дело полезное, но дорого стоящее. Таковую стену можно будет сооружать исподволь. Установка сторожек и сторожей уже имеется в виду Комиссией. Составить каталог предметов музея также не встретит затруднений, так как у г. Косцюшко имеются подробные описи всех находок.

„В конце своего письма графиня предлагает предписать военному ведомству разные ограничения и указать ему те места, где не следует воздвигать батарей. В этом отношении смею думать, что если, с одной стороны, может быть полезным просить военное ведомство, по возможности, не загораживать те места в Херсонесе, где могут быть производимы раскопки, то, с другой стороны, для каждого русского человека местность Херсонеса связана не с одними только преданиями глубокой старины. Севастопольские берега живы более близкими воспоминаниями, составляющими отечественную гордость, и едва ли кто-либо решится оспаривать у Севастополя и его бухт,—в том числе и Херсонесской,—освященное за ним историей право устанавливать батареи там, где это признано будет необходимым.

„Наконец, графиня Уварова сетует на исчезновение базилики, открытой ее покойным мужем, и других древних сооружений. Но кто в этом виноват? *При подобных раскопках древних зданий не трудно было предвидеть, что развалины, оставленные на необитаемой местности на берегу моря без всякого присмотра в течение десятков лет,—*

подвергнутся разрушению. Разумнее было бы, быть может, не начинать в то время раскопок, не заручившись предварительно возможностью охранять все обнаруженное для потомства.

„Из всего вышесказанного, ваше высокопревосходительство, соизволите усмотреть, что, по тщательному рассмотрению предложений графини Уваровой, я, со своей стороны, признавал бы полезным применить следующие меры:

„1. Уничтожить монастырскую стену.

„2. Подчинить ведению императорской Археологической Комиссии всю площадь Херсонесского городища, кроме частей, занятых военным ведомством, с правом производить раскопки по всей этой местности.

„3. Упразднить монастырский музей и хранящиеся в нем предметы передать Археологической Комиссии.

„4. Воспретить монахам производить раскопки и обязать их доставлять все случайные находки древностей в музей Археологической Комиссии.

„5. Просить военное ведомство, предварительно возведения каких-либо сооружений, уведомлять о сем каждый раз заведующего раскопками Археологической Комиссии, для предварительного исследования местности.

„6. Вопросы об упразднении монастыря не касаюсь, так как он находится в связи с соображениями, выходящими из круга археологических забот.

„7. Всякие посторонние указания относительно упорядочения способа ведения раскопок или музея я считал бы нежелательными, так как они являлись бы незаслуженным укором таким лицам, которые в течение многих лет владали душой в дело правильного ведения раскопок в Херсонесе и достигли таких успешных результатов, которых, вероятно, не станет отрицать даже графиня П. С. Уварова.

ГРАФ А. БОБРИНСКИЙ.

2-го ноября 1902 г.*

б) Деятельность Р. Х. Лепера (1908 — 1915).

После смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича первое время музеем и раскопками заведывал его зять В. Рот, живший в так называемом „домике жандармов“ возле башни Зенона. Но в виду того, что Рот был по профессии офицер севастопольской крепости и не имел археологического образования, Археологическая Комиссия не доверила ему производства раскопок, временно для этой цели командировав Н. И. Репникова. В течение полугода последний чрезвычайно энергично производил раскопку херсонесского могильника возле башни Зенона.¹⁾ В июне 1908 г. приехал в Херсонес Роман Христианович Лепер, бывший до

¹⁾ Напечатано в Отчете АК за 1908 г. Дневник раскопок до сих пор не опубликован и находится в архиве Акад. Ист. Мат. Культ. По словам А. Спицына, этот дневник является образцовым.

того секретарем Русского Археологического Института в Константинополе, назначенный на место покойного К. К. Косцюшко-Валюжинича членом Археологической Комиссии с поручением заведывать раскопками Херсонеса. С 4 июля Лепер начал раскопки, при чем по традиции, унаследованной от Косцюшко, раскопки попрежнему производились одновременно в разных местах, в частую, почти даже всегда (!) в отсутствие самого археолога при помощи доверенных надсмотрщиков. Кроме того, Лепер служил преподавателем в севастопольских гимназиях и жил в городе, что также вредно отзывалось на деле... и в результате, несмотря на ежегодные ассигнования на раскопки 10.000 руб. (помимо содержания личного состава), до сих пор не опубликованы их результаты, за исключением только эпиграфического материала.¹⁾

Раскопки Лепера затронули, прежде всего, восточную часть городища. Он закончил многолетние работы Одесского Общества и К. Косцюшко. Им открыта огромная площадь византийского Херсонеса к югу от батареи Канэ (на нашем плане площадь между №№ 9, 10, 11 и 12, к северу от большой улицы, идущей к храму № 9). Затем, свое главное внимание он перенес на западную линию оборонительных стен, вскрыв главнейшие ее части. Одновременно он закончил начатые Косцюшко работы по расчистке башни Зенона (на плане № 1) и прилегающих к ней частей оборонительных стен (на плане стена 1—6 и 1—2) с внутренней стороны, прилегающей к башне Зенона. Кроме того, ежегодно раскапывался могильник Херсонеса. Р. Лепер вел раскопки также в районе Херсонесского маяка и последние годы — в Мангупе. В Херсонесском музее хранится почти неразобраным богатейший материал его раскопок, который в настоящее время обрабатывается. Следует признать, что дневники отличаются краткостью, доходящей до невразумительности, и представляют записи чернового характера, не дающие картины раскопок.

в) Деятельность Л. А. Моисеева (1915—1924).

В 1915 году Р. Х. Лепер был уволен от должности, с одной стороны, по требованию крепостного жандармского управления, так как царское правительство его считало неблагонадежным, с другой — Археологическая Комиссия не возражала против его увольнения, в виду систематического непредставления им годовых отчетов о раскопках. На его место был назначен только что окончивший Петербургский университет Лаврентий Алексеевич Моисеев. Мировая империалистическая война, связанные с нею закрытие кредитов на раскопки и отсутствие свободных рук на долгое время ликвидировали раскопки Херсонеса. Археологическая Комиссия учла эти обстоятельства и поручила

¹⁾ Удивительно, что Археол. Комиссия в течение 8 лет отпускала ежегодно по 10.000 руб., не получая отчета о раскопках... Только через 8 лет Р. Лепер был уволен, оставив в наследие черновые дневники, множество датированных фотографий, планы и описи находок.

Л. Моисееву составить отчеты о раскопках Р. Лепера за 1908—15 гг. К сожалению, Л. М. приготовил к печати только отчеты за два последних года, напечатанные в последнем „Отчете Арх. К.“ Однако, и эти отчеты страдают чрезвычайной суммарностью, при чем отсутствуют дневники раскопок некрополя. Между тем, в архиве музея имелись документы, оставшиеся после Лепера, дававшие возможность восстановить отчеты с 1908 года, что сейчас и выполняет Херсонесский музей.

Эту временную передышку в производстве раскопок Л. Моисеев должен был также использовать в смысле подведения итогов работ, в издании систематических каталогов музейных предметов, и, в первую очередь, в проведении инвентаризации. К сожалению, до конца своей службы он не приступал ни к составлению систематического инвентаря, как это неоднократно требовал Крымский Комитет по делам музеев, ни к охранному ключу музейных зал.¹⁾ По отношению памятников, сохранявшихся в Херсонесе, это было вполне возможно...

Л. А. Моисеев за время с 1915 по 1924 годы производил ряд небольших археологических работ, сосредоточивши свое внимание на западной части городища. В 1922 и 23 годах им были произведены археологические разведки для обнаружения древне-греческой стены в области к западу от базилики № 17 (см. наш план), а также для определения местонахождения античного акрополя, который Моисеев предполагал к югу от базилики в базилике (см. план к югу от № 16). Результаты этих раскопок были отрицательные: акрополь им найден не был. На большой глубине он натолкнулся на остатки бедного византийского Херсонеса.²⁾

IV. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД.

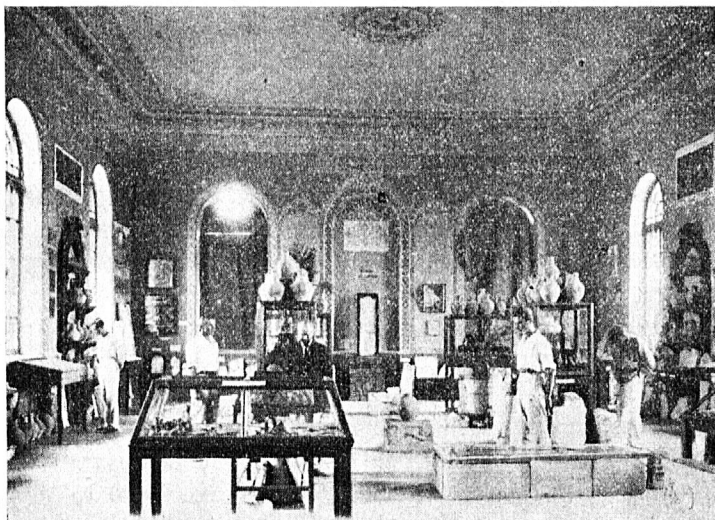
С 1917 года произошел отрыв Херсонеса от Петрограда и от Археологической Комиссии, преобразованной в 1918 году в Академию Истории Материальной Культуры. Новая, революционная эпоха выдвинула новые требования к Херсонесу, выполненные уже после ухода Л. Моисеева,—и на первом плане следует отметить значение Херсонеса, как очага внешкольной работы всесоюзного масштаба. Это потребовало полной перестройки всей экспозиции музейных зал, бывших совершенно неудовлетворительными как по системе, так и по качеству помещения. Херсонесский музей, ютившийся в жалких сарайчиках с самого своего основания, был перенесен в 1925 году в прекрасные помещения б. монастыря. Коллекции, не имевшие печатного каталога, были заново

¹⁾ См. *Протокол особой комиссии по обследованию Херсонесского музея*, от 2 мая 1924 г., где Л. М. заявил, что он, „вступая в должность, коллекций поименно не принимал и проверки коллекций за время своего заведывания не производил“.

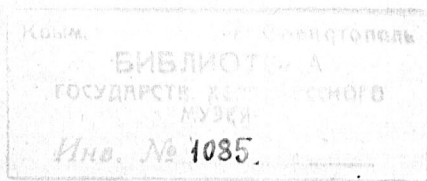
²⁾ Стройной плановости в этих работах, к сожалению, не было. Кроме того, Л. Моисеев, как и его предшественник, вел раскопки, всецело полагаясь на рабочих, которые обычно копали в его отсутствие. Об этом см. доклад проф. В. А. Городцова в делах Археол. подотдела Главнауки за 1923 г. Отчет об этих раскопках также до сих пор Моисеевым не составлен. Л. Моисеев был уволен в 1924 г.

обследованы и был составлен „Иллюстрированный путеводитель по городищу и музею“ (1926 г., 160 стр.) и еще раньше — популярная листовка о Херсонесе (1925 г.) Помимо этих работ по музейному строительству, Херсонесский музей несет охранную службу по городищу и научно-исследовательскую работу по учету и исследованию памятников Херсонеса и тесно связанного с ним Гераклеийского полуострова, на памятники которого ни Р. Лепер, ни Л. Моисеев не обращали внимания.

Для того, чтобы ближе познакомить читателя с современным состоянием музея, приводим выдержки из отчета о его деятельности за последний год.



Античный Отдел Херсонесского музея, открытый в 1925 году.



ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ И ПЛОЩАДИ РАСКОПОК

С 1 ОКТЯБРЯ 1925 ГОДА ПО 1 ОКТЯБРЯ 1926 ГОДА.

На 1 марта 1927 года штат музея состоял из следующих 16 сотрудников:

- 1) Директор музея К. Э. Гриневич.
- 2) Научный сотрудник I разр. Г. Д. Белов.
- 3) " " II разр. Л. Н. Белова-Кудь.
- 4) " " II разр. А. П. Кантипалов.
- 5) Фотограф М. П. Тарасов.
- 6) Смотритель городища Н. З. Федоров.
- 7) Заведывающий хозяйством И. Т. Хвесько.
- 8) Музейный служитель С. З. Федоров. Ведает охраной городища в его западной части и мозаиками.
- 9) Музейный служитель А. С. Осипов — Античный Отдел музея и лапидарий.
- 10) Музейный служитель Ф. С. Бойков — Византийский Отдел музея.
- 11) Музейный служитель П. А. Чернышева — храм с мозаикой. Некрополь.
- 12) Сторож городища Ф. И. Гончаров — охрана южного участка Херсонеса и исполнение обязанностей кучера при лошади.
- 13) Музейный служитель М. П. Ещенко — охрана восточного участка и уборка канцелярии.
- 14) Музейный служитель Ф. А. Здонек — охрана усадьбы и исполнение обязанностей садовника.
- 15) Сторож усадьбы М. Бушинский — ночная охрана музеев и усадьбы.
- 16) Сторож усадьбы Б. С. Курлянинов — охрана южной части городища.

С 1 октября 1925 по 1 октября 1926 г. Херсонесский музей, находящийся на государственном бюджете Главнауки НКПр. РСФСР, получил кредитов:

§ 7, ст. 1 (зарплата)	7.188 р.	28 к.
§ 8, ст. 1 (канц. расх.)	26	" — "
§ 8, ст. 2 (осв., вода)	548	" — "
§ 8, ст. 3 (хоз. расх.)	990	" — "
§ 8, ст. 4 (почт.-тел.)	140	" — "
§ 9 (отопление)	680	" — "
§ 10 (издательство)	680	" — "
§ 11 (пут. дов.)	70	" — "

§ 12 (ремонт)	2.500 р.	— к.
§ 13 (научн.)	1.332	„ — „
§ 14 (экспед.)	500	„ — „
§ 97 (соц. стр.)	711	„ 74 „

Всего 15.366 р. 02 к.¹⁾

Кроме того, Херсонесский музей имеет специальные средства, получаемые от продажи входных билетов, от аренды и от продажи изданий.

Приход с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г.:

Входная плата	2.351 р.	30 к.
Аренда	605	„ — „
Выруч. от продажи изд.	337	„ 70 „

Всего 3.294 р. — к.

Остаток спец. средств

на 1 октября 1926 г.—965 р. 78 к.²⁾

Деятельность Херсонесского музея разделяется на:

- а) научно-исследовательскую и научно-популяризаторскую;
- б) музейную и
- в) охранную.

1. Научно-исследовательская и популяризаторская деятельность музея: за отчетный год музей издал I выпуск „Херсонесского сборника“ (Севастополь, 1926), „Иллюстрированный путеводитель по Херсонесу“ (Севастополь, 1926, 160 стр., 24 рис.), 2-е издание брошюры „Что такое Херсонес?“ (Севастополь, 1926) и издана серия художественных открыток с видами Херсонеса.

Кроме того, К. Э. Гриневич напечатал „Опыт методологии археологической науки“ и в „Сообщениях Академии Ист. Мат. Культуры“ (том I) напечатал предварительный отчет: „Раскопки в Херсонесе в 1926 г.“³⁾

Кроме издательской, музей интенсивно вел инвентаризацию музейного имущества, как музейных экспонатов, составляя параллельно карточный каталог музейных предметов (с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. всего заинвентаризировано 8.920 номеров), так и предметов не музейного значения (всего 801 номер).

В общем, была закончена инвентаризация всех выставленных экспонатов музея и составлены охранные ключи выставочных зал и античного лапидария.

В течение отчетного года фотограф музея был занят приведением в порядок фототеки музея, а также съемками древних памятников, подготавливаемых к изданию.

С июня по сентябрь 1926 г. продолжалась археологическая кампания, бывшая под руководством директора музея, отчет о которой напечатан в I т. „Сообщений АИМК“ и в № 3 журнала „Крым“ (1927).

1) Отпуск гос. кредитов в 1926—27 гг. составляет уже 17.716 руб. 25 коп.

2) В 1926—27 г. приток спец. средств, несомненно, увеличится.

3) Одновременно напечатан также в № 3(1) журн. Общества по изучению Крыма „Крым“.

В задачу кампании входило доследовать до скалы нераскопанную часть южного участка Херсонеса, древности которого подготовляются в настоящее время к изданию; кроме того, эта раскопка должна была связать работы 1907 и 1911 гг., отчет о которых также готовится музеем к печати. В результате раскопок, несмотря на скромную цифру отпущенных кредитов, удалось выяснить историю и время заселения южного участка и связать раскопки 1907 и 1911 гг. Кроме того, во время раскопок была найдена мраморная голова юноши в стиле Праксителя прекрасной работы.

С мая по сентябрь 1926 г. на руинах Херсонеса и в музее работал „херсонесский семинарий“, состоявший из студентов Ленинградского, и I Московского университетов, а также аспирантки Харьковской научно-исследовательской кафедры при И. Н. О. и студентки Симферопольского Пед. Института, всего 13 человек. Семинарий вел работу в трех направлениях путем предварительных лекций, прочтения и разбора докладов, а именно: изучали раскопочное, экскурсионное и музейное дело. Следует прибавить, что на руинах Херсонеса уже третий год ведется подобный „херсонесский семинарий“. В 1925 г. силами семинария была произведена небольшая учебная разведка с тематической установкой. Был освежен вертикальный обрез так называемой „перемычки“ для определения времени и цели засыпки перибола путем изучения слоев.

Библиотека Херсонесского музея, состоявшая из 2.160 тт., в течение отчетного года чрезвычайно пополнилась (всего 1.981 тт.) многочисленными русскими и иностранными изданиями, как новыми периодическими журналами, так и монументальными изданиями, полученными в главной массе бесплатно, на правах обмена на выпущенные музеем издания. Музей имеет 15 заграничных корреспондентов, с которыми поддерживает научную связь.

В течение 1926 г. в музее работали, кроме вышеперечисленных студентов, следующие научные работники: проф. Н. Д. Протасов (Москва), Н. С. Воскресенская (Москва), Н. В. Измайлова (Ленинград, АИМК), М. А. Тиханова-Клименко (АИМК), М. Ю. Лейтер (Харьков), проф. А. С. Федоровский (Харьков), проф. С. С. Дложевский (Одесса), М. Харко (Москва), А. П. Смирнов (Ленинград, АИМК), М. И. Тихий (Ленинград, И-т Археолог. Технологии), аспирантка Всеукр. Академии Наук Новицкая (Киев), зав. Сумским музеем Щербак (Сумы), проф. Т. И. Арнэ (Швеция, Стокгольм), Д. Золотарев (ЦБК), А. Н. Зограф (Эрмитаж), Блаватский и Кобылина (Москва, Музей Из. Иск.), зав. Троицко-Серг. музеем А. Н. Свирин, директор Публ. Библ. имени Ленина в Москве тов. Невский и др.

Кроме того, следует упомянуть близкое участие Херсонесского музея в полной реорганизации Военно-Исторического музея в Севастополе и в организации столетнего юбилея Керченского музея и конференции археологов СССР в Керчи.

Научно-популяризаторская работа Херсонесского музея, кроме издания вышеупомянутой популярной листовки „Что такое Херсонес?“,

выразилась в отчетном году в организации совместно с Культотделом Райпрофбюро и Политпросветом Наробраза *севастопольского экскурсионного семинария*, которым заведывал К. Гриневич. Занятия семинария продолжались с февраля по апрель; в результате работы получили квалификацию 25 экскурсионных руководителей-групповодов, проводивших массовые экскурсии по Херсонесу в течение всего сезона.

Кроме того, научный персонал музея проводил экскурсии, читал популярные лекции, из которых надо отметить лекции в клубе 7-го полка, стоящего в Херсонесе. Кроме того, в газетах и журналах был помещен ряд статей, посвященных Херсонесу. Среди них надо отметить: статью К. Г. в журнале „Педагогическая жизнь Крыма“, декабрь 1925 г., „Из методики музейно-экскурсионной работы“, „Херсонес“—в журнале „Пламя“, (Харьков) и в „Безбожнике“ № 1 (ст. Алтаева). Кроме того,—ряд статей в „Известиях ЦИК“.

II. Музейная работа Херсонесского музея в отчетном году выражалась в продолжении прошлогоднего производственного плана, а именно, в малом соборе б. монастыря силами студентов семинария был развернут *античный лапидарий Херсонесского музея*, открытый в июле 1926 г. При чем, так как этот лапидарий не рассчитан на массовое посещение, а только на посещение лицами, проявляющими более глубокий научный интерес к Херсонесу, то поэтому принцип экспозиции в лапидарии взят иной, чем в основных залах музея, рассчитанных на массовое посещение. Все памятники, помещенные в лапидарии, размещены по типологически-хронологическому принципу, при чем весь зал разделяется, по содержанию выставленного материала, на отдел надгробий и отдел архитектурных фрагментов.

Помимо этого, шла все время работа над улучшением и углублением тематической экспозиции выставочных основных зал.

Всего за отчетный год Херсонесский музей посетило около 20.000 человек, и число это неуклонно растет.

За текущий год в музей всего поступило 980 номеров предметов музейного значения, т.-е. экспонатов, из которых 649 номеров—из раскопок, произведенных музеем. Для удобства экскурсионного обхода Херсонеса и для одиночек все городище покрыто объяснительными надписями.

III. Охранная работа Херсонесского музея. Так как Херсонесский музей представляет собою не только учреждение чисто музейного характера, но включает в себя территорию древнего города, представляющего собою большой участок заповедного характера, то поэтому охрана городища является первоочередной задачей Херсонесского музея. Для охраны городище разбито на три части, представляющие собою самодовлеющие участки охраны, а именно: южную, западную и восточную. Восточная и южная части, как наиболее ответственные, охраняются каждая 2 сторожами, западная часть—1 сторожем, живущим при мозаичных полах.

В текущем году ударной задачей было ликвидировать купанье на берегу, благодаря которому все городище посещалось хулиганствующим элементом, наносившим большой вред руинам Херсонеса.

Для решительной борьбы с этим злом было необходимо произвести полную изоляцию хотя бы важнейших восточной и южной частей городища. Эта работа и была произведена путем проведения колючей изгороди в северной части городища и путем создания такой же изгороди в южной части с двумя калитками. Эта мера и введение 5-копеечной платы за вход дали возможность изолировать городище от вредоносного элемента. Одновременно с этим была введена усиленная постоянная охрана ответственных участков не только днем, но и ночью, для чего был приглашен ночной сторож, в ведение которого был отдан не только район музеев и собора, но и важнейшие участки Херсонеса. В силу вышесказанного в отчетном году с особого разрешения был увеличен штат сторожей на 3 человека.

В октябре 1926 г. Херсонесский музей ликвидировал свой филиал в Севастополе (бывший Дом-музей имени Л. Толстого), и, согласно постановлению Акад. Совета Крымнаркомпроса, в ведение Херсонесского музея перешел весь район от Инкермана до Балаклавы.

Подводя итог деятельности Херсонесского музея, следует подчеркнуть шесть пожеланий, к выполнению которых необходимо приступить на пороге второго столетия, а именно:

1. *Возвратить в Херсонесский музей, за исключением предметов уникального значения, все древности, найденные разновременно на территории городища и увезенные из Херсонеса. Будучи вырваны из родной среды, эти предметы и сами обескровлены и обескровили музей. Только в херсонесском окружении они получают наибольшую значимость.*

2. *Объявить заповедником национального значения всю территорию древнего Херсонеса и его кладбищ, с передачей всей территории в ведение музея.*

3. *Продолжение систематического издания музеем всех памятников Херсонеса как монументального, так и музейного характера.*

4. *Продолжение ведения музеем систематических и планомерно-продолжающихся раскопок Херсонеса, приняв во внимание все недостатки прежних археологических кампаний.*

5. *Защита Херсонеса от разрушения со стороны стихии, имея в виду разрушение морем северного берега городища.*

6. *Усиление охраны и создание археологической карты Гераклеяского полуострова и создание в Инкерманском соборе „музея пещерных городов Крыма“, как филиала Херсонесского музея.*

КАЛЕНДАРЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА.

1827 г. По поручению адм. Грейга первые раскопки на территории Херсонеса производил лейтенант Крузе, раскопавший ранне-христианские базилики в западной и восточной части („базилики Крузе“), а также определил положение и главные контуры центрального комплекса храмов на месте нынешнего собора (см. Дюбуа-де-Монпери, т. VI (1843), 137—164; Куторга, ЖМНПр. за 1834 г., январь, стр. 88; Мурзакевич, ЖМНПр. за 1837 г., стр. 617 (№ 3).

1846—1847 гг. Небольшие раскопки Карейши по поручению мин. имп. двора (ЖМВДел за 1846 г., т. XVI и за 1848 г., т. XXI).

1851 г. Небольшие раскопки лейтенанта Шемякина. Раскапывалась территория Северной („Уваровской“) базилики Херсонеса.

Отчета печатного не имеется. Материалы хранятся в архиве Од. Общества Истории и Др. См. „Матер. по Арх. России“, № 12, стр. 10, прим. 1. См. наш „Очерк“.

1853 г. Раскопана большая Северная базилика графом Уваровым. Найдены материалы для восстановления храма. Мозаичный пол частично перевезен в Петербург. Хранится в Эрмитаже.

См. „Извлечения из весподл. отчета об археолог. разысканиях в 1853 г.“, стр. 135, 170, а также статью Уварова в „Пронимях“, т. IV, стр. 525.

1854—55 гг. Во время Крымской кампании союзники заняли городище Херсонеса, почти уничтожили остатки „Уваровской“ базилики. См. донес. Мурзакевича в тексте.

1861 г. Раскопки по инициативе монастыря, очищавшего центр городища под постройку большого собора. Раскопана центральная часть Херсонеса, найдено 7 храмов.

См. Мурзакевич—„Записки Од. О-ва Ист. и Др.“, т. V, стр. 996.

1876—1885 гг. Из года в год шли раскопки на средства снуда и мин. нар. просв. Одесское О-во наблюдало за ведением работ.

Раскапывалась северо-восточная часть городища, средневековый Херсонес (см. „Отчеты Од. О-ва Ист. и Др.“ за эти годы).

В эти же годы вело раскопки и военное ведомство. (См. Бертье-Делагард.—„Материалы по Арх. России“, № 12 и статья Гарабурды в „Известиях Таврич. Ученой Арх. Ком.“, № 43).

Была вскрыта южная и юго-западная часть оборонительных стен Херсонеса. После раскопок все стены были разрушены, засыпаны и над ними насыпаны батареи.

С 1888 года раскопки перешли в ведение Археологической Комиссии и продолжались ежегодно до 1914 г. Во главе стоял К. К. Косцюшко-Валюжинич (до его смерти в 1907 году).

1888 г. Руководители: акад. Н. П. Кондаков, А. Л. Бертье-Делагард и К. К. Косцюшко-Валюжинич.

Раскопки велись: вблизи „Уваровской“ базилики, в восточной части городища, около собора и около Западной базилики.

Раскопки открыли возле Восточной базилики мастерскую художественной гончарной промышленности эпохи позднего эллинизма. О ней см. работу В. Мальмберга в „Материалах по археологии России“, № 7.

В результате раскопок убедились, что под византийским Херсонесом имеются остатки древне-греческого города (см. Отчет АК за 1888 г.).

1889 г. Раскопки велись в западной части Херсонесского городища.

Найдена древне-христианская базилика с мозаичными полами, которая в X веке была разрушена, а на ее месте была построена небольшая базилика из развалин первой.

В настоящий момент мозаичный пол доступен обозрению.

Невдалеке были найдены остатки еще одного храма. Возле берега моря открыты остатки древнего города: цистерны и пашенные ямы с находками предметов греческой эпохи (ОАК за 1889 г.).

1890 г. Раскопки возле собора нашли остатки храма с мозаичным полом и цистерны. Вся соборная площадь была застроена древними храмами и часовнями, отчасти уничтоженными и изуродованными при постройке монастырского собора на этом месте.

Продолжались раскопки „базилики в базилике с мозаичным полом“. Обнаружены усыпальницы и цистерна.

На холме возле западной городской стены обнаружены остатки большого храма с 6 уцелевшими базами.

На северном берегу, между морем и монастырским садом, обнаружены остатки византийской улицы с часовней-усыпальницей. В нижних слоях обнаружен древний Херсонес.

Раскапывался древний некрополь по дороге из Севастополя в Херсонес, возле военных флигелей. Открыто 24 гробницы римской эпохи.

Возле Стрелецкой бухты на земле Шверина открыт большой каменный курган 7 саж. высоты. Погребения не обнаружено.

На небольшом островке в верховье Казачьей бухты раскопан небольшой храм-монастырь древне-христианской эпохи. (Быть может, на месте казни ссыльного римского папы Климента?).

На перешейке между Казачьей бухтой и морем обнаружены оборонительные стены и 17 башен греческой эпохи (ОАК за 1890 г.).

1891 г. Раскопки произведены в 10 местах городища.

Найдены: присяга и ряд обломков декретов к западу от собора, обнаружены остатки часовни с 3 гробницами, к западу от „Уваровской“ базилики. В 8 саж. от монастырской стены возле монастырской гостиницы обнаружены развалины небольшой часовни с 2 гробницами.

В южной и юго-восточной части городища найдены еще 4 храма. Произведены дополнительные исследования в „базилике Крузе“, к северу от старого музея.

В западной части городища открыт храмик, сплошь стоящий на гробницах, в которых найдены монеты и проч. В северо-западном углу городища найдены скелеты римского времени. Открыто 68 могил (ОАК за 1891 г.).

1892 г. Раскопки к югу от собора, между откосом и 2 базиликами. Найдены обломки статуй, карнизов и проч.

В юго-восточной части городища, между пристанью и блиндажем, найдены: часть византийской оборонительной стены, развалины часовни, водосток, цистерна.

В западной части городища, где в 1891 г. открыты 2 храма, обнаружены 3 высеченные в скале гробницы.

Доследована базилика возле „Уваровской“, к западу от нее, на берегу моря. Первоначально эта базилика была раскопана Одесским Обществом Истории и Древностей, и пол ее представлял собою превосходную мраморную мозаику, вскоре растащенную посетителями.

Производилась раскопка древнего могильника возле южных стен Херсонеса. Открыто 245 могил (ОАК за 1892 г.).

1893 г. Раскопки около помещения прежнего музея-склада. Открыт колодезь-поглотитель с интересными находками. Влево от „Уваровской“ базилики окончательно исследована базилика, раскопанная еще в 1877 г. На северном берегу моря, возле монастырского кладбища, обнаружена базилика с 14 гробницами и там же большое здание с террасой и с подвальным этажом, в котором обнаружена печь. Быть может, это — древние бани (?). Рядом найдены развалины 2 часовен. В юго-западном углу городища обнаружены на протяжении 65 саж. следы древней оборонительной стены. Там же следы водопровода. Снаружи стены — римский некрополь. В непосредственной близости отсюда раскапывался древний могильник; всего вскрыто 114 погребений (ОАК за 1893 г.).

1894 г. В юго-восточной части городища обнаружена древняя оборонительная массивная стена, облицованная крупными плитами (на извести) на протяжении 90 саж.

Найдена четырехугольная постройка и торговые (!) помещения с 7 нишами. Найдена превосходной сохранности шиферная икона с изображением Георгия и Димитрия. О ней см. работу Гайдина в Эрмитажном Сборнике (Линг, 1923, вып. 2).

Раскапывался древний некрополь в южной стороне городища. Вскрыто всего 113 могил. Среди них 8 древне-греческой эпохи, остальные—II—III вв. нашей эры, одна катакомба с фресковой живописью (ОАК за 1894 г.).

1895 г. Юго-восточная часть городища. Оборонительная стена прослежена на пространстве 74 саж. (между южным участком и прежним музеем). К северу от оборонительной стены обнаружены следы трех византийских улиц с водостоками из каменных труб.

Исследовался южный участок оборонительных стен. Обнаружена облицовка главной линии оборонительной стены и протейхизмы, а также части зданий возле стены.

В северо-восточном углу городища найдены остатки оборонительной стены и следы двух круглых построек.

На северном берегу городища, между морем и монастырским садом, обнаружены следы (угол) древней стены, а также примыкающие к ней древние здания.

Найдено множество амфорных ручек и чернолаковой посуды IV—III вв. до нашей эры.

В северо-западном углу городища найдена городская выходная калитка и часть оборонительной стены. Раскапывался древний некрополь возле западной оборонительной стены (ОАК за 1895 г.).

1896 г. С северной стороны склада древностей обнаружена древняя улица с двумя водостоками и развалины византийских домов. Можно отметить находки глиняных кружков культового назначения с изображением Фоки.

Вблизи собора в юго-восточном углу площади обнаружены две улицы, часовня с двумя гробницами, найдены колодцы (3) и пашенная яма. Находки указывают на то, что здесь, повидимому, был центр древнего Херсонеса. Расследована базилика 1864 г. Найдены куски смальты.

Раскопки древнего некрополя у дороги, ведущей из Севастополя в Херсонес. Найдены 5 колодцев и каменный бассейн; до этого места, повидимому, доходил рукав Карантинной бухты.

Некрополь на западном берегу Карантинной бухты: раскопано всего 202 гробницы. Обнаружено, что одними и теми же могилами пользовались многократно и в разные культурные эпохи.

Дополнительно были произведены расследования в окрестностях Георгиевского монастыря и на мысе Фиолент. Найдены остатки небольшой часовни и другие помещения византийской эпохи (ОАК за 1896 г.).

1897 г. Раскапывался южный участок оборонительных стен. Обнаружена часть древней оборонительной стены, полукруглая башня и протейхизма. Вблизи открыты римские термы. К башне с севера примыкает оборонительная стена, идущая от прежнего музея.

К северу от прежнего музея обнаружена группа позднейших грубо-сложенных зданий.

Южнее здания Античного Отдела музея найден превосходной сохранности крестообразный храм VI века, стены которого сохранились в некоторых местах выше окон. Под алтарем найден серебряный ковчег с остатками костей. На ковчеге культовые изображения, датируемые акад. Н. Кондаковым VI веком нашей эры. Этот храм условно называется „Храм с ковчегом“.

Раскапывался древний некрополь, находящийся возле Карантинной бухты. Всего вскрыто 196 гробниц, преимущественно поздне-римского и византийского времени (ОАК за 1897 г.).

1898 г. Южный участок оборонительных стен. Расследована (отчасти) так называемая „баня Зенона“. Произведено частичное исследование участка между проломом в стене и монастырскими воротами.

Очищена главная линия стены до уровня византийской эпохи. Обнаружена искусственная засыпка древнейших частей стены. 3 системы водопровода и водостоков. Протейхизма. Комплекс двух башен на месте пролома в греческой кладке. Бассейн с цемянкой впереди стены.

С северной стороны от порохового погреба в восточной части Херсонеса открыты большие термы римского времени, повидимому, имевшие богатую мраморную отделку (ОАК за 1898 г.).

1899 г. Раскопан южный участок оборонительной стены, между монастырскими воротами и проломом в стене для прохода в прежний музей. Найдены древне-греческие ворота, подстенный склеп с драгоценностями № 1012, приставные склепы римского императорского времени №№ 1013—1014 и обнаружена вся стена с наружной и внутренней стороны. Открыты следы византийского Херсонеса: развалины византийской часовни. См. работу К. Э. Гришенича в „Херсонесском Сборнике“, посвященную подстенному склепу № 1012 и воротам древне-греческого времени, и его же в „Народном университете на дому“ („Прибой“, Ленинград, 1925, томы I и V. ОАК за 1899 г. и Известия АК, вып. 1).

1900 г. Раскопки южного участка оборонительной стены между перемышкой-проломом и башней Зенона. Обнаружена главная линия оборонительной стены и наружная часть башни Зенона.

В периболе открыты следы гончарного завода с печью для обжигания. Возле перемышки найдена круглая башня, возле которой—вылазная калитка, над нею порог калитки более позднего времени, сооруженной после засыпки всего перибола (ОАК за 1900 г. и Известия АК, вып. 2).

1901 г. Продолжение раскопок 1891 г. в сев.-западному углу городища. Обнаружены так называемой „Западной базилики“. Возле—оборонительная стена, склепы римского времени, башни. Присутствие склепов объясняется тем, что в античное время здесь был некрополь, а городская стена проходила несколько восточнее.

Доследована до конца „Уваровская“ базилика. Раскапывался древний некрополь возле Карантинной бухты. Открыто 147 могил, №№ 1041—1188 (ОАК за 1901 г. и Известия АК, вып. 4).

1902 г. Раскопан загородный крестообразный храм с некрополем поздне-римского времени.

Обнаружена превосходной сохранности мозаика на полу храма (VI в.).

В западной части монастырской усадьбы найдены следы древнейшего некрополя. Глубина жилого мусора достигает здесь 3 м.

Раскапывался древний некрополь возле Карантинной бухты и монастырских огородов. Всего раскрыто 274 могилы, №№ 1189—1462 (ОАК за 1902 г., Известия АК, вып. 9, 16, 20, 33. Кроме того, см. исследование А. Бертье-Делагарда в 21 вып. Изв. АК).

1903 г. Раскопка местности древнего города возле прежнего музея-склада. Обнаружены две улицы, постройки всех трех эпох существования Херсонеса.

К северу от „храма с ковчегом“ снесен холм высотой 6,40 м; под ним обнаружены остатки жилых помещений византийской эпохи, цистерны, часовня. Здесь же (возле Античного Отдела музея) найдена часть оборонительной стены греческого времени, показывающая постепенный рост Херсонеса, а также найдены разные сооружения всех трех эпох.

Раскапывался некрополь к югу от крестообразного храма с ковчегом. Открыто 26 склепов (ОАК за 1903 г., Изв. АК, вып. 16).

1904 г. Продолжение раскопок предыдущего года к западу от прежнего музея-склада. Найдены: группа разных городских построек, пашенные ямы, башни греческого времени, водостоки. Возле нынешнего Античного Отдела музея открыто древне-греческое общественное здание, быть может, „Монетный двор“. Здесь же обнаружен правильный переулочек городских улиц, скрещивающихся друг с другом под прямыми углами. Затем раскопки шли возле „Уваровской“ базилики, где раскрыта трехабсидная базилика и квартал византийского Херсонеса с жилыми постройками. Раскапывался древний некрополь возле монастырских ворот и крестообразного храма. Обнаружена целиком прямоугольная римская башня на фундаментах полукруглой башни греческого времени (в непосредственной близости древне-греческих ворот с подстенным склепом № 1012. См. ОАК за 1904 г., Изв. АК, вып. 20).

1905 г. В юго-западном участке монастырской усадьбы (продолжение раскопок 1902—1904 гг.) обнаружены две улицы, расположенные крестообразно друг к другу. Водостоки трех эпох, жилые помещения римского и византийского времени, при чем последние

отличаются убогой кладкой из грязи, из бута. Открыто одно помещение с полом из плиток. Раскопки, далее, велись на южном участке оборонительных стен, возле башни с калиткой. Открыта круглая башня с двумя ярусами кладки, с нею рядом стена эпохи II в. до нашей эры, в которой имеется калитка римского времени над калиткой греческого периода. Открыта также стена от башни к бухте. В стене калитка и круглая греческая башня. Раскопки велись также около прежнего музея, как продолжение раскопок 1892, 1894—5, 1904—5 гг. Обнаружено, что древне-греческая стена шла южнее склада древностей, византийская — шла ближе к берегу; открыта прямоугольная башня римского времени. Открыт ряд помещений ранне-византийской эпохи. Помимо всего раскапывался древний некрополь. Открыто всего 457 могил у Карантинной бухты и 44 гробницы у крестообразного загородного храма (ОАК за 1905 г., Изв. АК, вып. 25).

1906 г. Раскопки велись в юго-восточной части городища, на юго-восток от дороги, ведущей к складу древностей. Исследован комплекс трех башен, придвигавшихся к морю по мере отхода береговой линии на восток. Здесь же открыты часовня, римская баня (термы) и проч. Раскопана и доследована часть южного участка оборонительных стен от перемишки до монастырских ворот. Открыты древне-греческие стены со знаками каменотесов, а также „казарма“ возле древне-греческих ворот. Открыты следы позднейшего Херсонеса с часовней и проч. остатками. К югу от „базилки в базилике“ раскопки обнаружили пятиабсидный храм со следами пожара. Под полом храма большое число костяков. Здесь же обнаружена улица, идущая с северо-запада. Доследован загородный крестообразный храм с мозаичным полом. Обнаружена дверь в восточной стене. В западной части городища возле решетки военного ведомства обнаружено неизвестного назначения четырехабсидное здание с мозаичным полом (быть может, крещальня?). О нем см. Изв. АК, вып. 42. Раскопана улица к западу от монастырской усадьбы протяжением 46,5 м, найден ряд жилых помещений (см. Изв. АК, вып. 42). Раскапывался древний некрополь вблизи загородного крестообразного храма с мозаичным полом. Найдено много могил, преимущественно позднеримского времени. №№ 2128—2143 (ОАК за 1906 г., Изв. АК, вып. 33 и вып. 42).

1907 г. Раскапывался район возле „домика жандармов“ в южной части Херсонеса; открыта большая базилика и часовня Леонтия, „что на забрале“, и некрополь возле загородного крестообразного храма и вблизи Карантинной бухты. Открыты гробницы №№ 2114—2163, 2202—2427 (Изв. АК, вып. 42; отчет составлен частично, в виду смерти Косцюшко-Валюжинича).

1908 г. Руководитель раскопок Н. И. Ренников.

Раскопка поздне-античного некрополя по дороге из Севастополя в Херсонес, возле бывшего монастырского скотного двора, вблизи башни Зенона (ОАК за 1908 г.).

1908—1909 гг. (с 4 июля 1908 г.) Руководитель — Р. Х. Лепер. Исследование северо-восточной части Херсонесского городища, возле батарен Канэ. Раскопки, кроме того, велись на месте раскопок 1877—88 гг., а также в западной части городища, при чем было окончательно доследовано четырехабсидное здание, раскапывались западная линия оборонительной стены и древний некрополь возле нее. Раскопка этого здания издана в Изв. АК, вып. 42. Остальное издается.

1910 г. Раскопки в районе западной оборонительной стены, там же раскопка могильника; исследование самой западной стены. Разыскания в районе северо-западной части городища (близ батарен Канэ) и продолжение разысканий башни Зенона. Раскапывался некрополь по дороге в Севастополь. Отчет издается.

1911 г. Раскопки в северной части городища: перед „Уваровской“ базиликой, возле кладбища находки черепков ваз древнейших стилей (павкратийского, древне-ионийского и др.). Раскопки велись за западной стеной, в северо-восточной части городища, между монастырскими воротами и батареей Канэ, и кроме того, в районе башни Зенона, за „домиком жандармов“. Раскапывался могильник по дороге в Севастополь и древности возле Херсонесского маяка. Отчет издается.

1912 г. Раскопки городища в разных местах: у берега моря, возле монастырской купальни, внутри монастырской ограды. Раскапывался некрополь вдоль шоссе (ОАК 1912 г.).

Кроме того, раскопки велись в долине р. Альмы (Тал-Бадране) и в Мангуле (раскопка дворца 1425 г.). Отчет издается, кроме Мангула.

1913 г. Раскопки в монастырской ограде, между собором и восточной оградой, влево от дороги к собору. Раскопки в ограде монастыря между собором и северной оградой, вправо от дороги к собору. Кроме того, раскапывался некрополь между шоссе и Карантинной бухтой и по склонам Девичьей горы (ОАК 1913—15 гг.).

Раскопки в Мангупе: открыта базилика, раскопки близ дворца в цитадели и раскопка некрополя в верхней части Капу-дере перед дворцом. Отчет не издан.

1914 г. Год военных событий. Севастополь и район крепости, где помещается городище Херсонеса, объявлены на военном, а потом—на осадном положении. Первая половина лета прошла, однако, в оживленной раскопочной кампании: раскопки внутри монастырской ограды, возле батарей Канэ, между западными оборонительными стенами и некрополем за ними, раскопка некрополя между шоссе и Карантинной бухтой. Наконец, раскопки у Казачьей бухты и в Мангупе. Отчасти суммарно издано в отчете АК за 1913—1915 гг.

1915—1924 гг. Эпоха разведок в районе акрополя, предполагаемого в западной части городища, а также в районе западных оборонительных стен. Акрополь не найден.

Раскопки производил Л. А. Моисеев. Не изданы, и отчета в делах музея не имеется. Есть только дневники и описи находок.

1925 г. Разведка в периболе оборонительных стен южного участка. Установление искусственной засыпки перибола в римское время. Остальное narosло в процессе эоловых наносов. Раскопки производил К. Э. Гриневич при участии студентов Ленинградского университета. Издается.

1926 г. Раскопки в районе часовни Леоития. Издано в I т. Сообщений АИМК и в журнале „Крым“ № 3.

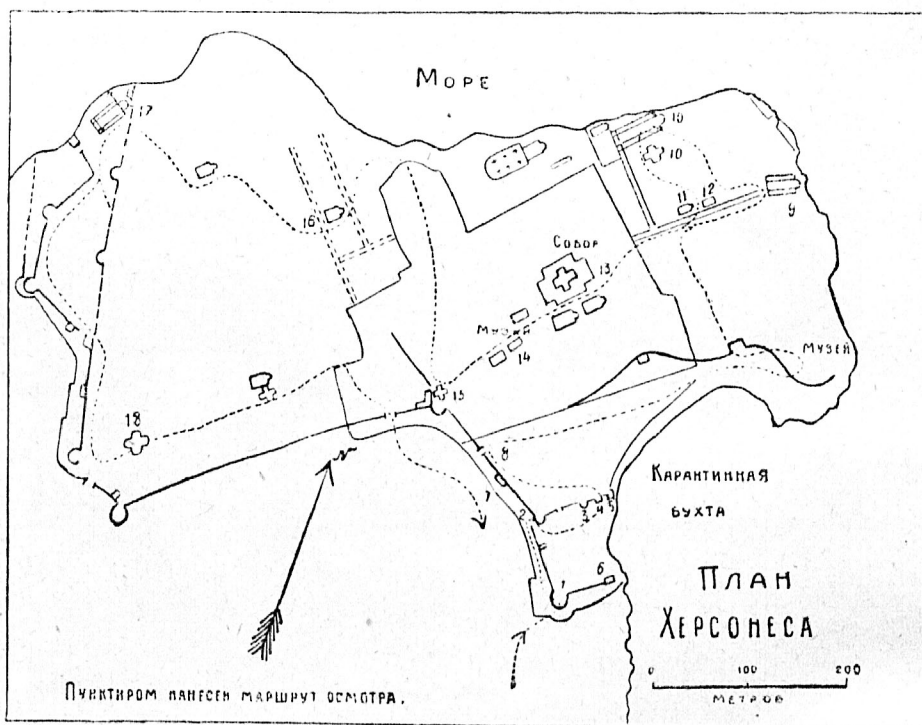
СОТРУДНИКИ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ.



Сидят в первом ряду (слева направо): сторож Ф. И. Гончаров (внизу), музейный служитель И. Т. Хвесько, младшие помощники хранителя: М. Г. Русанов и Л. Н. Белова-Кудь, директор К. Э. Гриневич, старший помощник хранителя Г. Д. Белов и сторож П. Я. Шукин (стоит справа). Сзади стоят и сидят (слева направо): смотритель городища Н. З. Федоров, музейный служитель М. П. Ещенко, делопроизводитель А. П. Кантупалов, вахтер Ф. А. Здонек, вахтер С. З. Федоров, сторож Б. М. Филиппов и музейный служитель Ф. С. Бойков.

Фотограф музея М. Е. Фармаковская.

ЭКСКУРСИОННЫЙ ПЛАН МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО, РАСПОЛОЖЕННОГО В 3 КМ. К ЗАПАДУ ОТ СЕВАСТОПОЛЯ.



Объяснения к экскурсионному плану Херсонеса Таврического.

1. Башня Зенона.
2. Башня с калиткой. Нижняя часть башни—древне-греческого, а верхняя—римского времени.
3. Башня древне-греческого времени.
4. Башня римского времени.
5. Башня византийского времени.
6. Башня древне-греческого времени.
7. „Башня на башне“.— На башне эллинистически-римской эпохи построена византийская башня. Первая стоит на месте большого пролома в стене.
8. Древне-греческие ворота (рядом склепы № 1012, 1013 и 1014).
9. Восточная базилика (VI—VIII вв.).
10. Уваровская базилика и крещальня.
11. Подземный храм первых времен христианства.
12. Общественный дом древне-греческой эпохи.
13. Соборная площадь византийского Херсонеса (на площади найдено 9 храмов).
14. „Монетный двор“ древне-греческого времени.
15. Крестообразный храм с ковчегом раскопок 1897 г.
16. „Базилика в базилике“ с мозаичным полом, раскопанная в 1889 г.
17. Западная базилика возле оборонительных стен.
18. Четырехабсидное здание.

Примечание. В виду проведенной изоляции Херсонесского городища проход от № 18 прямо на усадьбу музея закрыт. Надо идти через № 16 и по берегу моря обратно к музею. Точно так же закрыт вход на восточную часть городища мимо старого музея.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вместо предисловия	5
Краткая история Херсонеса (введение)	7
Сто лет херсонесских раскопок	
I период. Эпоха бессистемных и случайных раскопок (1827—1876)	9
II период. Раскопки Одесского Общества Истории и Древностей (1876—1887)	18
III период. Раскопки Археологической Комиссии	23
а) Деятельность К. К. Косцюшко-Валожницка (1888—1907)	23
б) Деятельность Р. Х. Лопера (1908—1915)	38
в) Деятельность Л. А. Монсева (1915—1924)	39
IV. Революционный период	40
Деятельность Государственного Херсонесского музея за 1925—26 гг.	42
<i>Приложение:</i> Календарь археологических раскопок Херсонеса	47
Экскурсионный план Херсонесского городища	54

Цена 1 руб.

Издания Херсонесского музея:

- Что такое Херсонес?** Популярная листовка. 1926, 2-е издание. Цена 20¹/₂к.
- К. Э. Гриневич**—Иллюстрированный путеводитель по Херсонесу. 1926, 160 стр., 24 рис. Цена 50 к.
- Херсонесский сборник**, вып. I, 1926, с 43 рис.—К. Э. Гриневич—Стены Херсонеса, I: подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса. Цена 1 р. 35 к.
- К. Э. Гриневич**—Опыт методологии археологической науки. 1926 (издание автора). Цена 1 р.
- Сто лет херсонесских раскопок (1827—1927)** с рис. и экскурс. планом. Цена 1 р.
- Серия открытых писем** с видами Херсонесского городища и музея.

Готовятся к печати:

Херсонесский сборник, II.

Путеводитель по древностям Гераклейского полуострова.



==== Заказы направлять по адресу: =====

Крым, Севастополь, Херсонесский музей.